

АЛЁНА
АСТАФЬЕВА

Ненужные

*Магический
роман*

18+

Алёна Астафьева

Ненужные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63980736

SelfPub; 2025

ISBN 978-5-532-98570-4

Аннотация

Действие произведения разворачивается в России на фоне исторических перемен начала 90-х годов, когда страна переживает бурные изменения. Алексей, влюблённый в загадочную Агнию, сталкивается с суровой реальностью, где богатство и социальный статус ставят под сомнение истинные чувства. В это же время группа молодых людей, во главе с ведьмочкой Оксаной и её спутником Денисом Князевым, решает провести рискованный ритуал, чтобы избавиться от проклятия, принося в жертву тысячу грешников. Однако вместо ожидаемого освобождения они оказываются в аду.

Произведение исследует темы любви, предательства, искупления и человеческой природы, побуждая читателя задуматься о последствиях своих решений и истинных ценностях в жизни.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	5
Глава первая Знакомство	5
Глава вторая Свобода отчуждённости	29
Глава третья Сестра Смерти	43
Глава четвёртая Заупокойная	64
Глава пятая Прячась от любви	77
Глава шестая Нечистый в Москве	105
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Ненужные

Пролог

*Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил.
Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»*

С древних времён эхом доносятся слухи о колдовстве ведающих матерей, магии природы, духах предков, о чудесах Христа. В девственной глуши леса и в центре городов бездушной цивилизации человек нередко соприкасается с мистикой. По природе своей люди тянутся к совершенству, смиренно преодолевая препятствия, выбирают правильный путь к вере Господу. Но кто-то в безумии останавливается на распутье; тёмная сущность входит через ворота сомнения в любви Бога, и человека влечёт тропа самообмана и разрушений.

Страх смерти перестал властвовать над рассудком. В мыслях юноши возник один вопрос о вечности. Дух кружил по комнате. Замерев, он нежно позвал молодого человека к себе. Юноша увидел за стеклом двери балкона силуэт загадочного зверя с человеческими глазами. Ещё миг и решится судьба.

Часть первая

Глава первая Знакомство

Разгоралось лето. Воздух наполнился с утра запахом свежескошенной травы. Птицы затеяли концерт, в разных партиях трели с щебетанием стремились заложить летнее настроение в сердца людей. Изумрудная листва приветствовала прохожих, пропуская через промежутки ветвей тёплые лучи. Кружились бабочки, напоминающие лепестки цветов. Красота необъятной родины испокон веков радует русскую душу и жаждет любви.

Жаркий день 12 июня 1991 года предвещал новый этап в истории российского народа. В молодой демократической стране состоялись первые альтернативные выборы. Россияне избрали Бориса Николаевича Ельцина президентом РСФСР.

Год назад в провинции, примерно триста пятьдесят километров к юго-востоку от столицы, начали сносить ветхие частные дома – наследство предыдущих эпох – и на расчищенном месте постепенно росли пятиэтажки. Со строительством домов у жителей маленького города появилась надежда, что лучшие времена вот-вот наступят. Новая Россия стала возрождать православную религию, впуская радость в душу верующих людей. Однако сверхъестественные силы зла

пытались не допустить того, чтобы русский народ без утайки верил Христу, при этом обрёл прежний духовный авторитет... Им хотелось заставить россиян думать о золотом тельце и ублажении тел. Тёмные силы остервенело жаждали пролить невинную кровь, чтобы человеческие сердца огрубели от страданий.

России выпал сложный период в построении нового государства, и она, как всегда, держала голову гордо. В умах народа бродили разнообразные мнения о президенте Борисе Николаевиче Ельцине: кто-то оставался сторонником либеральных реформ, а некоторые говорили, что на троне восседает очередной Лжедмитрий. Каждый день жизнь писала продолжение истории Отечества, поднимая страну на следующую большую трудную ступень.

Майским утром 1995 года у подъезда пятиэтажки дремал котёнок, пригревшийся на солнце. В отдельную квартиру, расположенную в новом доме, но около заброшенного кладбища, въехала семья Меншиковых: муж Максим Павлович с женой Марией Анатольевной и тремя детьми.

Родители детей встретились в семьдесят четвёртом году. Мария Анатольевна была на тринадцать лет младше Максима Павловича. Ему к моменту их судьбоносного знакомства исполнилось тридцать семь. Она покорила его выразительными цветом летней листвы глазами, очаровалась улыбкой Максима с ямочками на щеках. До их встречи пробежа-

ло много времени со смерти матери Меншикова – она скончалась от онкологии, так и не дождавшись сына из армии. Долгие годы Максим жил один, топил горе в стакане, и вот в роковой час у обрыва берега реки появилась девушка, и его сердце в одночасье пронзила стрела Купидона. Мария беззаветной любовью зажгла в осиротевшем Меншикове огонёк надежды на счастье.

В семейной жизни Максим Павлович от внутреннего несовершенства опять принялся за бутылку, обвиняя жену в пренебрежении к нему. Мария Анатольевна страдала от этого, но ничего не могла поделать, – чем сильнее она его ругала, тем хуже он напивался. От горя Мария выглядела худощавой, впалые щёки подчёркивали большие серые глаза навывкате. Взгляд выражал тревогу от непонимания вечной подавленности мужа и явно говорил, что её душа желает большего, чем написано на роду. Во дворе Мария Анатольевна не упускала случая с кем-нибудь поболтать, излить душу. Максима Павловича называла никчёмным человеком. Заботы по дому и о том, как прожить дальше на скудный денежный остаток ложились на её плечи. С наступлением дачного сезона Мария полола грядки, ухаживала за посадками. Говорила, если бы не участок в шесть соток, умерли с голоду бы по тяжёлым перестроечным временам. Но советскую страну она не любила, отец её матери был раскулачен в тридцатом году.

В период брежневского застоя Мария Анатольевна при-

ступила к чтению самиздатовской литературы, рассказывавшей правду о Стране Советов. Имеющая багаж знаний, она симпатизировала новой власти и поддержала распад СССР, хотя вздыхая, упрекала Ельцина за эксцентричное поведение и построение демократического государства ценой людских бессмысленных жертв.

Одного за другим Господь подарил Марии Анатольевне детей. Они для неё оставались главным богатством. В конце восьмидесятых старшая дочь Виктория, в ту пору подросток, посещала кружок песни «Озорные мелодии». Перед репетициями Вика мыслями устремлялась в прекрасную страну, где нет обиды и коварства. Но после того как кружок пригласили на региональный отборочный тур конкурса песни, все стремления двенадцатилетней девочки на этом поприще рухнули. Постановка «Незнайка с нашего двора», с написанными Викторией стихами, покорила сердца жюри и зрителей, но более могущественный руководитель подсуетился, и главный приз достался другому коллективу. Обиженная девочка не сумела смириться с несправедливостью и от разочарования забросила занятия музыкой.

Брат Игорь, на три года моложе Вики, появился на свет в семьдесят девятом году. Рождение сына, наследника, обрадовало отца. Максима Павловича будто подменили, он с лаской и заботой относился к жене. Но почти через полгода у него прошла эйфория, Мария Анатольевна снова оказалась беременной. Муж не знал, как прокормить семью, и жизнь

вновь предстала перед его взором в серых тонах.

Игорь с детства бредил единоборством Окинавы. Он лелеял надежду о профессиональных занятиях по карате-до стилия «Шотокан». В СССР было противоречивое отношение партийных работников к восточной идеологии, ставшей большим культом для молодёжи, нежели советская власть. И в некоторых секциях практика преподавания не способствовала самосовершенствованию духа, низкий уровень подготовки занятий приводил к смерти учеников. Проблемы, возникшие вокруг карате, послужили поводом для запрета¹ всех видов восточных единоборств. Игорь с восьми лет начал самостоятельно осваивать основы карате-до по вырезкам из журналов и пиратским видеоплёнкам, просматриваемых у обеспеченного одноклассника дома, ведь о собственном видеомagneтoфoнe приходилось лишь грезить. Меншиков обучался стойкам, блокам, ударам, старался овладеть техникой ката², но без наставника не выходило достичь желаемого результата. Через медитацию он познавал себя, расслабление помогало настраиваться на предстоящую тренировку, обрести свободу, гармонию духа и тела с природой.

Несмотря на то что Игорь унаследовал внешность от матери, Мария Анатольевна души не чаяла в младшем сыне Алёшеньке, похожем на отца. Он родился двадцатого сентября

¹ Занятия карате в спортивных обществах были запрещены с 1984 по 1989 гг. – Здесь и далее примечания автора.

² Ката – бой с выдуманным противником. Высокая культура движений.

восьмидесятого года. У него с Игорем разница – всего четырнадцать месяцев. Алексей рос любознательным, смыслёным мальчиком. Любил бегать по стройке, играть во дворе с ребятнёй. Как и все мальчишки, был задирой и забиякой, домой приходил в синяках. В транспорте уступал место господам и дамам почтительного возраста, из магазина помогал маме донести сумку.

Потихоньку взрослея, Алексей из сорванца превратился в отрока приятной наружности. В его глазах цвета сочной травы с недавних пор стал виден постоянный поиск правды. Замечая добро в душах людей, тонкие губы расплывались в улыбке с ямочками на щеках. Глубокие мысли зарождались под короткой чёлкой русых волос, оставшихся на голове, обритой наголо.

После девятого класса Алёша поступил в ПТУ на повара. Он хотел скорее получить профессию, которая для него была неинтересна, однако могла бы пригодиться в жизни. Меншиков посещал занятия с неохотой и скукой, без всякого стремления получать хорошие оценки.

В конце мая девяносто седьмого года мать с отцом и детьми крестились в церквушке на окраине города в роще нежных берёз. Очистившись от грехов, они вступили на путь христианства. Мария Анатольевна надеялась с помощью Господа укрепить дух мужа.

Алексей на другой день после таинства крещения пошёл к

давней знакомой. Ольга Кроткова была на четыре года старше Меншикова. В первую встречу во дворе Алёша покорила девушку смелостью. В её день рождения, ей тогда исполнилось пятнадцать лет, он защитил Ольгу от нахального мальчугана.

Оля, окончив ПТУ, устроилась работать помощником повара в столовую химзавода по производству кремнийорганической продукции.

Юноша предчувствовал, что сейчас Ольга дома, и у неё находятся двое ребят, приехавшие к родным на пару дней из московского института. Они намеревались по традиции отметить грядущую летнюю сессию. Алексей поражался им: перед экзаменами эти студенты проделывали примерно триста пятьдесят километров в провинцию из Москвы и обратно ради того, чтобы не нарушить собственный закон о сдаче сессии.

На звонок во входную дверь ему открыла стройная белокурая девушка с большими голубыми глазами, курносая и с тонкими бледно-розовыми губами. Летнее солнце ярко украсило веснушками её лицо и кисти рук. Ростом она казалась Алёше среднего, чуть пониже него.

– О, Меншиков, проходи!

– Здравствуй, Оля! – Алексей прошёл в зал.

Девушка обрадовалась приходу юноши.

На диване развалились двое ребят – Иван Долохин и Денис Князев, а в кресле расположилась какая-то незнакомка.

Её сразу же представили Алёше. В отличие от фамилии имя у неё оказалось редкое – Агния Петрова. Пламенная необычная внешность девушки очаровала Меншикова: худенькая красавица, огненно-рыжие волосы ложатся ей на грудь, в глазах отражается загадочный изумрудный блеск, пухлые губы напоминают лепестки алых роз, от бледной кожи Агнии нельзя было отвести взгляда.

Оля принесла из холодильника пиво. После первого стакана Меншиков осмелился поближе познакомиться с Агнией. Он налил в бокалы алкоголь и, присев на корточки у ног девушки, воскликнул, что пьёт за неё. Она чарующе засмеялась.

– Я же старше, мне девятнадцать, сейчас угадаю сколько тебе лет, думаю, семнадцать?! – определила Петрова по внешности мальчика. Она взяла бокал, протянутый Алёшей, и сразу же поставила его на стол. – Я не пью! – ухмыльнулась Агния.

– Двадцатого сентября мне исполняется семнадцать, – уточнил Алексей. – Но возраст не должен иметь значения. Твоё лицо для меня прекрасно, несмотря на его бледность и тёмные синеватые круги под глазами. Ты выделяешься из толпы индивидуальностью.

– Такой аристократический цвет лица мне по вкусу, я много времени возилась, ведь не так просто добиться данного результата на сухой коже! – нашла ответ Петрова, чтобы уйти от объяснений малознакомому человеку о проблемах

со здоровьем.

– Почему я раньше тебя здесь не встречал?

– В этом городе я редкий гость! Вот решила мать проведать!

Кроткова Ольга сидела на диване и наигранно смеялась над шутками ребят, посматривая в сторону воркующих. Ревность сковала грудь девушки тысячью скрепками, возникла боль от любви к Меншикову. Оля, чтобы привлечь внимание Алёши, стала показательно обнимать Ивана, однако милый сердцу человек ничего не замечал.

Темноволосый Иван Долохин и с бронзовыми кудрями Денис Князев окончили вместе одиннадцатый класс. Денис переехал из Липецка в провинцию ещё школьником три года назад, с ним Ольгу познакомил Иван. В ту пору она пыталась с Ваней построить отношения, но ничего не вышло из-за сильных чувств к Алексею. После школы Долохин и Князев поступили в Московский государственный книжный институт³ на разные факультеты. В институт Ивана зачислили благодаря проректору – брату матери. Денис пошёл учиться, чтобы освободиться от своего отца-священника, Князеву довольно-таки легко давалась учёба, не прилагая никаких усилий, он получал хорошие оценки.

– Лёха, что вы там уединились? Идите к нам! – отвлекла воркующих голубков друг от друга Ольга.

Петрова кивнула в сторону компании:

¹ Данное высшее заведение является вымышленным.

– Пойдём!

Вставив кассету в магнитофон, Ольга позвала всех танцевать. Меншиков прижал Агнию к себе, и их захватила песня «Летний дождь» Игоря Талькова.

– Моё сердце и тело тянутся к танцевальному искусству, – прошептал на ухо девушки Алексей. – Хожу в кружок хореографии.

– Да, я видела тебя на сцене Дома культуры, ваш ансамбль «Терпсихора» известен среди молодёжи города. Ты рождён для танцев!

– Моя мечта попасть в «Тодес»! – улыбнулся Алёша

– Иди к ней уверенной поступью!

– Расскажи о себе, – нежным голосом попросил Алексей.

– Я учусь в Московском государственном книжном институте на переводчика. Приехала домой, потому что взяла академический отпуск по болезни.

– Что с тобой?

– Ерунда, подлечусь, и будет всё отлично, – ушла от ответа Агния.

– Хорошо, я не буду тебя расспрашивать о болезни, ты сама мне расскажешь, когда посчитаешь нужным.

– Время покажет, – прищурилась Петрова.

Он нагнулся к её губам, чуть дотронувшись своими. От его прикосновения девушка еле удержалась на ногах. Целый вечер они были увлечены друг другом и не заметили, как подкралась ночь.

Небо усыпали звёзды. Полная луна освещала влюблённым путь. Алексей проводил Агнию до подъезда. Пятиэтажный дом на главной улице города красовался фасадом из оранжевого кирпича.

По дороге домой майский тёплый ветерок нежно окутывал Алёшу; слышалось пение соловья. Казалось, весь мир радуется его счастью! Он остановился взглянуть на небо, ему захотелось отыскать созвездие Большой Медведицы. Вдруг Меншикова окликнул девичий родной голос:

– Привет, Алёшка!

Он всмотрелся во мрак деревьев и заметил на лавочке сестру. Алёша поинтересовался, что она так поздно здесь делает? Вика пробубнила:

– Ждала любимого братца.

Они в обнимку поднялись на пятый этаж.

Дома храпел отец, разлѐгшись во весь диван. Мать возилась в кухне.

– Наконец-то дождалась Алёшку! – она поглядела на дочь. – А то я уже волноваться начала.

И подала им чай с баранками.

Виктория тряхнула головой, убирая с кремовой кожи лица прядь белокурых волос.

– Mam, когда отец пришѐл? – осведомился Алёша, почёсывая лоб.

– Да вот, ещё в обед привели, шагу ступить не мог, до сих пор не вставал.

– Где Игорь? – спросил Алёша.

– Он в деревню поехал на день рождения к другу! – сообщила сестра и обратилась к матери: – Сегодня ложись спать в моей комнате, а я на кровати Игоря устроюсь.

Допив чай, дети направились к спальне, при входе в которую всегда привлекает внимание Алёшин угол, обвешенный постерами балета «Тодес». Необычной казалась металлическая палка под потолком, тянущаяся от стены к стене комнаты. Перекладина заменяла турник для подтягивания. Её сделал отец для сыновей.

Сестра расправила кровать Игоря и легла. Алексей взял любимую сказку «Маленький принц», но, открыв её, подумал об Агнии.

– Алёша, я беременна, – прошептала Виктория, её очерченные природой пухлые губы растянулись на овальном личике.

Брат прыгнул с кровати и обнял сестру.

– А я заметил, ты немного округлилась, похорошела! – брови Меншикова нахмурились. – Он знает?!

– Неужели заметно? – засмушалась сестра. – Восьмая неделя только! Илья безумно рад! – зелёные глаза Виктории вспыхнули.

– Почему раньше не говорила?

– Хотела быть уверенной, что на этот раз выкидыша на ранних сроках не произойдёт. Но не утерпела...

– Значит, я стану дядей!

Они друг перед другом шутили по пустякам, пока не захотелось спать. Алексей перешёл на своё место, улыбка сорвалась с лица, и его захватили чары сна.

В окошко спальни заглядывали первые лучи, сообщая о новом жарком дне. Алёша сквозь сон слышал, как отец чем-то гремел в кухне. Вставать с постели не хотелось, однако нужно: он договорился с ребятами встретиться на пляже. Алексей натянул обрезанные до колен джинсы, снял с груди оловянный крестик на верёвочке, чтобы река его не забрала, и поплёлся в кухню. Отец дрожащими руками наливал в стакан водку. Он поднял вопросительный взгляд на Алёшку: «Хочет ли сын составить ему компанию?» Побитое пропитое лицо папаши уже пару лет выражало безысходность. Алексей покачал головой и, захватив футболку с сундука в прихожей, вышел на улицу. Он подумал о матери, мысленно пообещав не брать пример с отца.

На реке раздавались смех, визг молодёжи, всплески волнующей воды... В неё прыгали с тарзанки и мостика. Алексей пожал ребятам руки и вежливо поприветствовал загорающую Ольгу. Иван эротично снял перед девушкой шорты:

– Вы как хотите, а я купаться, – и с разбега хлюпнулся в воду.

За ним прыгнул Алёша. Кроткова тоже не удержалась от соблазна окунуться в тёплую водичку.

Нырря, Меншиков ухватил её за ноги, она воскликнула:

– Дурак, Алёшка!

На берегу появилась Агния, и внимание Алексея устремилось к ней. Девушка ждала его во всей женственной красе.

Он вылез из воды, пару раз споткнулся и припал к ногам королевы.

Меншиков не знал, что отец Агнии – Николай Петрович – ушлый бизнесмен демократической России. На восходе демократии за ним водились криминальные грешки, за счёт которых он смог накопить приличный капитал. После развала СССР, имея высшее образование, он пошёл тёмной дорогой, сначала занимался спекуляцией, а чуть позже подделкой документов на недвижимость, но следы мошеннической деятельности он хорошо чистил. Несправедливая волна приватизации упрочила его материальное положение: теперь ему принадлежит предприятие по производству цемента в Подмосковье. Он купил московскую квартиру в Старо-конюшенном переулке на Старом Арбате. А также построил большой дом в провинции недалеко от Липецка для супруги и дочери, чтобы они могли иногда проводить свободное время на просторах русской глубинки, малой родины его жены Людмилы Сергеевны. Супруге стали противны суетливая бизнес-Москва и муж-трудоголик с крутым неуживчивым характером, не позволяющий выходить ей в свет одной. Поэтому она так и поселилась в провинции, примерно триста пятьдесят километров к юго-востоку от столицы, где могла делать всё, что вздумается. Из-за страшной болезни дочери,

сахарного диабета первого типа, они сохраняли ненужный никому из них брак.

До начала летней сессии второго курса Агния, пролежав месяц в больнице, взяла академический отпуск по причине плохого самочувствия. Девушка приехала к матери. Несколько дней спустя она познакомилась с Кротковой. Своим поведением Агния внушала людям, что она выше их, подчёркивала свойственную ей изысканность королевы, чтобы вызвать зависть окружающих. За фальшивыми ролями Петрова прятала душу от общества, в котором инвалид – обуза. Она не переставала подшучивать над Ольгиной недоверчивостью.

У Кротковой Ольги отсутствовали манеры избалованной девушки. Её мать умерла – сбросилась с обрыва по непонятным причинам. Отца никогда никто не видел. Ольга воспитывалась в детском доме обиженной жизнью, скрытной девочкой. Квартира ей досталась по завещанию покойной тётки, не имеющей детей из-за полного отсутствия материнских инстинктов. Лишь при смерти она вспомнила о племяннице. Перед последним вздохом тётка молила о прощении умершую сестру, дух которой её мучил в снах.

Проходили дни, Меншиков, общаясь с Агнией, впустил её в сердце. Девушку восхищали чувства Алёши, такие же чистые, как истинная справедливая Россия. Начитанный Алексей после экзаменов в ПТУ спешил на свидание к Петровой. Он узнавал о жизни благовоспитанного общества, думая, что

Агния почерпнула эту информацию из сериалов. Будоражили его душу разговоры о спаде в экономике, о народе, вложившем деньги в МММ, и загадочной пропаже вкладов в 1994 году. Большинство из пострадавших людей бомжевали и спивались, а некоторые заканчивали жизнь суицидом. Народ, оставленный государством один на один с его проблемами, кинул последние сбережения в бездонную мошну Мавроди, будто находился под гипнотическим действием дудочки индийского факира. Корысть внушалась заклинателями мира теней и безотказно исполнялась народом. Тьма со времён грехопадения властвует над миром, уничтожая в людях человечность.

В наступившую субботу, как и каждые выходные, Алексей к десяти утра пришёл на репетицию в Дом культуры. Руководитель ансамбля «Терпсихора» Мила Калинина командным голосом произнесла:

– Сейчас встали парами, «Ча-ча-ча»! Начали!!!

Алёшина пластика с детства выражала способность к танцам и гимнастике. Хороший танцор зажигает восхищение в душах людей! Своим танцевальным искусством Меншикову хотелось рассказать миру о завораживающей мистике движений.

После репетиции Алексей увидел у магазина Долохина, нервно трепавшего чёрные кудри трясущимися пальцами. С озабоченным видом Ваня оглядывался по сторонам. Он заметил Алёшу, в его взгляде серых глаз промелькнула ра-

дось:

– Лёха, составишь мне компанию по распитию алкогольных напитков и веселью с девушками?!

– Я думал, ты уехал в Москву?! Ведь сессия в разгаре!

– Ничего страшного, кое-какие экзамены сдам осенью! Я думаю, не отчислят! Так ты идёшь со мной?!

– Извини, я пас, – Меншиков выжатый как лимон побрёл домой.

Под душем усталость сошла с тела. В прихожей раздался звонок в дверь, Алексей в полотенце выглянул из ванной комнаты, мать уже подошла отворять. На пороге возникла Агния. Тотчас Меншиков облачился в одежды. Он, выскочив на лестничную площадку, обнял девушку за плечи, его лицо закопалось в её волосах, отдававших запахом свежего дня. Алёша прошептал возлюбленной на ухо, что рад её неожиданному, но долгожданному приходу. Обнявшись, они тихо передвигались по площадке.

– Чем сегодня занималась? – он начал покрывать поцелуями бледное лицо Петровой.

– Тебя ждала. Читала, – смущалась Агния.

– Умница моя, – забирая её волосы в хвост, ласково проурчал Алёша.

– Пойдём со мной, – зачарованно проговорила девушка.

– Куда?

– Не задавай вопросы, просто иди, – поманила его пальцем милая.

Они спустились по лестнице. Петрова привела его к остановке. Влюблённые дарили друг другу поцелуи, пока не подъехал автобус.

– Куда мы едем? – Алексей на руках занёс девушку в салон.

– Тише! Сейчас всё узнаешь, любовь моя! – Агния, не дав ему озвучить очередной вопрос, губами прильнула к его рту.

Они утонули в долгом страстном поцелуе и не заметили, как автобус подъехал к конечной остановке. Смеясь, влюблённые выбежали из транспорта.

За остановкой, на фоне зелёных деревьев, раскинулось убранство домов. Данное место люди прозвали «поле чудес» из-за того, что здесь как грибы растут коттеджи высокопоставленных людей, бизнесменов и бандитов.

Пройдя двадцать метров, Петрова остановилась у ворот. Дом поразил Меншикова размерами: трёхэтажный, выстроенный из красного кирпича с резными башенками, он напомнил Алёше сказочный замок. Но решётчатый высокий забор с заострёнными пиками и видеокамерами по периметру словно стремился придать дому устрашающий вид, не гармонирующий с дивной природой.

– Ты здесь живёшь?! – интуитивно спросил Меншиков.

– А как ты думаешь?! – удивилась девушка растерянному виду молодого человека.

– Куда же я тебя тогда провожал в нашу первую встречу? – озадачился Алексей.

– К бабушке.

– Хорошо живёшь! – кивнул он на дом.

– Тебе так кажется, – задумчиво ответила она. – Заходи, не стесняйся.

Внутри дома белоснежные стены и мебель гостиной сливались в одно целое в глазах Алёши. Очертание дизайну придавали картины в чёрных рамках. И расставленные по углам керамические вазы цвета мрака выделялись на фоне белизны.

– Ты типа, как сейчас говорят, новая русская?!

– Типа, а ты не рад, – девушка присела на диван.

– Я не ожидал, что окажусь в таком «домике»!!!

– Иди ко мне.

Растерянный Алексей сел рядом, но не говорил больше ни слова. В голове вертелась мысль: «Возможно, я для неё лишь забава?!» Агния склонилась к Меншикову, предчувствуя о его думе:

– Богатство моего отца ведь не станет между нами?

– Ты думаешь, он хорошо отнесётся к моей бедности?! – взволновался юноша.

Этот вопрос поставил девушку в тупик:

– Мы пока не скажем ему о наших отношениях, ведь ещё неизвестно к чему они приведут.

Алексей враждебно взглянул ей в глаза:

– Почему ты играешь людьми?!

– Я не играю тобой! – в словах Петровой слышалась ис-

кренность.

– Ты меня привела сюда, чтобы унизить? Но знай, деньги для меня не имеют значения, лишь бы на жизнь хватало!!! – не унимался Меншиков.

– Разве ты не был в курсе моего богатства?! – неподдельно удивилась Агния и продолжила рассуждать: – Сейчас говоришь, деньги вздор, а когда поживёшь в достатке, тебе не захочется возвращаться обратно в бедность.

– Да, моя семья терпит лишения, но не теряет достоинства, отец говорит и всем сердцем верит, что мои предки были дворянами! Батя хоть и пьёт, тем не менее никогда не унижится перед такими людьми как вы, чтобы получить от вас подачки! – возмутился Алёша. – Я ухожу отсюда!!!

– Так вроде бы род Александра Даниловича пресёкся! – вслед юноше прокричала Агния, разузнавшая из любопытства на днях о родословной Меншикова Алексашки.

Алексей выскочил на улицу, в голове шумело: «Разве любит она меня, раз думает, что за богатство я оскверню душу? Нет, всё не то, нужно успокоиться и как следует осмыслить».

Петрова взволнованно ходила по гостиной, она понимала, что Алексея будет трудно покорить золотом, оттого сильнее росло любопытство к нему. В её круге общения нет истинно российского менталитета, все суетятся, чтобы преуспеть в бизнесе. А на светских вечерах показывают достижения и симпатизируют успешным персонам, надев маски с натянутой улыбкой. Зависть и пустота лишь кроются за блеском.

В гостиную вошла Людмила Сергеевна, высокая стройная женщина с чёрными точно смоль волосами. Из-под чёлки будоражили душу знойные пронизывающие карие глаза. Гордое лицо выражало властолюбие. Она осведомилась, чем Агния озабочена, не из-за того ли мальчика, который выбежал как ошпаренный из дома. Дочь жалобно посмотрела на неё.

– Мама, что мне делать, я его сильно обидела?!

– Уж не влюбилась ты в небогатого мальчишку?! – повысила голос Людмила Сергеевна.

– Почему ты так решила?! Он мне товарищ, разве я не могу переживать о друге? – отнекивалась девушка.

– Агния, оставь его, он не твоего поля ягода, – вздохнула женщина.

– Я сама выбираю себе спутника жизни, если тебе не нравится, я могу жить отдельно!

– Тогда поговори с отцом, интересно, что он скажет? – усмехалась мать, не обращая внимания на отчаяние дочери.

Она взяла со стола журнал и изящно пошла наверх, причитая что-то вслух. Агния поспешно схватила дамскую сумочку, кинув в неё флаконы с инсулином и шприцы, и выбежала из дома. Девушка хотела зайти в гараж, но передумала ехать на «вольво», купленном ей поддавшимся на капризы отцом. Он предупредил её, что на иномарке передвигаться опасно, бандиты могут машину отобрать, да ещё и страшным образом, например, изнасиловать, искалечить, а может, что ещё сделать с любимой доченькой, но в ответ она зака-

тила истерику, и Николаю Петровичу ничего не оставалось делать, как пойти на уступки. В провинции Агния садилась за руль только в плохую погоду, тем более сейчас ей хотелось выпиться, выговориться. И она решила пригласить Ольгу в кабак, какая-никакая, но жилетка.

Девушки заказали выпивку и немного еды. Ольга поинтересовалась, что за повод для их встречи. Агния, залпом осушив бокал сухого вина, рассказала об Алёшке.

Собеседница к удивлению Петровой оказалась рассудительной:

– Сначала определись со своими амбициями. Да, Алёшечка загадка, но после разгадки интерес к нему пропадёт. И не сможешь ты ради него пожертвовать всем, а он не захочет войти в светский круг с твоей помощью.

– Не смогу, Оленька. Я слишком такая, как эти людишки, возомнившие себя повелителями, и по-другому жить не умею! – Петрова нервно сделала несколько глотков очередного бокала.

– У вас нет равенства в отношениях, – Ольга с волнением поглядывала на очередную дозу алкоголя в руках Агнии. Она знала о болезни девушки. Кроткова трясущимися пальцами поправила вылезавшую прядь из собранной причёски белокурых волос.

– Разве любовь не важна?! – Агния остановила взгляд на живых ромашках в середине небольшого стола.

– Для Алексея, да.

– Я не предполагала, что ты так тонко всё подмечаешь. Считала тебя душой, теперь так не думаю.

– Ты прямолинейна, что приводит в растерянность отдельных людей, – Кроткова сдерживала обиду на слово «дура».

– Ладно, уже засиделись с тобой, надо идти. – Петрова отодвинула недопитый бокал.

Выходя из-за стола, Агния рукой задела вазу, и та с хрустальным треском несбывшихся надежд разбилась об начищенный пол. Девушка, не обращая внимания на возмущённого официанта, небрежно кинула деньги на стол.

– День не задался! – заключила Ольга.

На выходе Петрова столкнулась с нетрезвым Долохиным. Агния с ним поздоровалась, заметив при этом, что он неуважительно относится к своему дяде, который в институте проректор, но рано или поздно наплевательское отношение к сессии доведёт Ивана до отчисления.

Долохин, захлёбываясь слюной, прокричал:

– С тобой круто зажечь можно! Понятно, почему Лёха убивается по такой-то болезненной красоте.

Старания Агнии уговорить Ивана были тщетны. Его так и выворачивало сказать ещё несколько гнусных слов.

С детства Долохин недолюбливал господ, купающихся в роскоши, ведь судьба свела его мать с индивидом, любящим деньги. И когда она забеременела, генетический отец Ивана её бросил, сбежав в неизвестном направлении. Незаконно-

рождённому сыну приходилось во всём себе отказывать – в игрушках, сладостях, в красивой одежде... и отце.

Петрова вышла из кафе в расстроенных чувствах. Она не замечала рядом идущую Ольгу. На улице смеркалось.

Глава вторая Свобода отчуждённости

Ельцинская Россия отстаивает право на жизнь, впрочем, как и всегда, защищая присущую ей историческую уникальность от гневных нападок всего мира. Некоторые высококвалифицированные специалисты от нехватки денег на существование вынуждены эмигрировать или быть челноками-патриотами, проводя большую часть жизни на маршруте Турция – Черкизовский рынок. Простые люди с трудом сводят концы с концами, живя впроголодь от получки до получки, а в это время новые русские шикают в роскоши и объедаются деликатесами. Возрастает коррупция и преступность. Бандиты становятся у власти.

Денис Князев рос в обычной советской семье. Любил свой родной город Липецк. Мать Елизавета Михайловна работала заведующей хозяйством в детском саду, отец Владимир Владимирович был прорабом на стройке и рядовым коммунистом партии. С утончённым вкусом строителя он создавал советское будущее в надежде на всеобщее благо. Его идеалистический характер вызывал умиление у близких людей, ведь один в поле не воин!

С трёх годков Денис знал алфавит и даже умел выводить буквы на бумаге, складывая их в слова. Школьником маль-

чик желал постичь красоту мира, он гулял по двору, приложив указательный палец к губам, и наблюдал за букашками, ползущими по травинкам; нахлынувшие чувства одарённый мальчуган неровным почерком, без единой ошибки выражал в тетради. Отцу нравилось творческое увлечение сына, и он призывал Дениса писать о дружбе между людьми. Из-за горбачёвской перестройки Владимир Владимирович сильно переживал за страну и не мог долго прийти в себя, пока по совету соседки не посетил храм, где на него сошла Божья Благодать. Он окунулся в православную религию. Батюшка местного храма направлял Владимира на путь, приготовленный судьбой. Духовная семинария укрепила душу Князева старшего. Посвятив себя Церкви, Владимир принялся нести окружению Слово Божие.

В ельцинской России Елизавета Михайловна лишилась работы, а страна – очередного детского сада. Она, упрекая супруга в служении еврейскому Богу, хотела открыть дело, но за нехваткой денег стала домохозяйкой и полностью растворилась в сыне и муже; постепенно из красавицы с горящим взглядом Елизавета Михайловна превратилась в нервную седую располневшую женщину с вечной тоской в глазах. Её недовольство жизнью не совпадало с религиозными взглядами мужа, и ему приходилось терпеть жену, молясь за покой в семье. По вере своей Владимир Владимирович общал сына к христианству. Денис искренне просил Бога о счастливых днях юношества и мамином смирении. Господь

его так и не услышал, мама покончила с собой. Владимир Владимирович продал липецкую квартиру, не в силах жить там, где был совершён супругой страшный грех. Он с сыном переехал в область.

Чтобы избежать проникновения солнечных лучей в комнату второго корпуса московского студенческого общежития, окна были занавешены, светильник тускло освещал пространство и предметы. В стеклянной банке с помощью кипятильника грелась вода. За столом расположился Денис Князев. Под густыми бровями, в гордых разноцветных глазах, радужка одного из которых каряя, а другая – зелёная, поселилась вселенская тоска по придуманному Богу. Чуть с синевой губы сосредоточенно сжимались. Облокотившись о стол, Денис держал книгу Жан-Поля Сартра «Тошнота». Читая строчку за строчкой, он восхищался героем этого романа, ему нравились его размышления об отвратном и ненужном существовании.

В институт Денис поступил, чтобы быть ближе к тем, кого искушают соблазны, наблюдать, как люди пробивают дальнейший путь для удовлетворения потребностей. Он выбрал факультет «Книгоиздания и редактирования».

В комнату вошёл высокий человек:

– Я не ошибся, комната 201? Здесь живёт Волков Егор? – раздался басистый голос.

– Да, – отчуждённо ответил Денис.

– Ты не знаешь, где он сейчас? – приставал с расспросами человек.

– Да чёрт его знает, где-то носится по общаге, может, в 214-й? – Денис желал по-быстрому избавиться от непрошеного гостя.

Человек вышел за дверь.

Князев встал из-за стола навести кофе. В эту минуту комната представилась ему склепом, куда его посадили гнить. Он ощутил болезненное блаженство от разыгравшегося воображения. Какое-то безмолвное отвращение к людям с недавних пор терзает его душу, и слово «человек» уже не звучит гордо. Обернув банку полотенцем, руки налили в кружку кипяток, мозг отчаянно искал ответ на вопрос: «Что хуже: самоубийство или жить не как все? Если кинуться в воду, то совершённым действием я никому не помешаю, данный поступок – удел слабых. Быть выше человека, создать дивное гармоничное с природой царство, вот моя суть! С нечеловеческой сущностью я освобожусь от ничтожных пороков жалких людей».

В раздумьях он вышел в коридор, инстинктивно направившись к туалету.

– Дэн! – окликнул его мужской голос.

Денис оглянулся. У окна на корточках курил Егор Волков. Он напоминал этакого домовёнка из-за волос, постоянно стоящих дыбом.

Егор попросил дать займы десять тысяч рублей⁴, Князев достал из кармана деньги и протянул ему.

Из девичьей комнаты выглянула Оксана, её каштановые взлохмаченные кудри с рыжеватым отблеском особенно очаровывали Дениса. Они притягивали его необъяснимым волшебством. Девушка улыбнулась парням ведьминым оскалом. Князев не мог избавиться от любви к этой девушке, называя её ласково Ведьмочкой. При виде Оксаны он испытывал слабость, смешанную с душевной мукой. Всё тщетно, он никогда не станет другим, а она не будет жить, как он.

– Доброе утро, Дарен, – девушка кинула на Дениса горящий взгляд серых глаз. Она год назад придумала ему прозвище, означающее «подаренный судьбой».

– Утро уже давно закончилось, – подхватил Егор, поглядывая на Князева.

– Для меня утро, когда я лично просыпаюсь. Я же утром не говорила ещё «с добрым утром», вот моя компенсация! – вспыхнула Оксана.

В мрачном взгляде Дениса просияли огоньки, он улыбнулся и завернул к туалету.

– Егор, давай сегодня пивка бухнём?! – умоляющим голосом протянула Ведьмочка, подходя ближе к Волкову.

– Что-то не хочется, – равнодушно пробубнил Егор.

– Ладно, я у Дарена спрошу, он-то мне не откажет! – оби-

⁴ По тем временам тысячные и пятидесятые купюры образца 1995—1997 годов выпуска были в обороте, а покупательная способность денег была низкой.

женно подытожила Оксана.

И она оказалась права. Пива взяли три литра на двоих. Пили не спеша, наслаждаясь вкусом.

– Ты читал «Дети Арбата»? – с блеском в глазах начала разговор Оксана, отпив пену, пузырьки от которой остались на губах, девушка показательно облизала их языком.

– Замечательная книга! Сталин и репрессии – просто класс!

– Не вижу ничего хорошего в убийствах! – возмутилась Оксана.

– Я думаю, одна из причин победы Советского Союза над фашистами является ликвидация врагов народа внутри партии, конечно, не отрицаю, были ошибки, и арестовывали непричастных к заговорам. И в том не вина Сталина. А какая сила находилась в отце народов? Все его уважали! Вообще, он нравится мне в отличие от Гитлера. Кстати, получается, Бог допустил фашизм, помнишь в молитве говорится, «да будет воля Твоя», – ухмыльнулся Князев.

– Господь наделил человека правом выбора, тем самым, проверяя его любовь к Себе, потому перед человеком открыты все дороги... Но инвалиды и, как ни странно, хорошие люди, которых я, конечно, не обобщаю, – предупредила Оксана, – почему-то лишены свободы, они должны брать, что дают. Может, на них и наложена печать Господа, и они ближе к Нему?! Зато большинство здоровых людей до такой степени почувствовали вседозволенность, что некоторые из них пре-

вратились в тварей, а не в творения Его...

Не слушая слова Ведьмочки, Князев гнул свою палку:

– Обрати внимание на Ветхий Завет, там сплошное истребление: жертвоприношения животных, убиение людей, захват территорий. Лучше верить в исконно русское – славянское язычество. Наши корни дают о себе знать испокон веков, без этой ереси исчезнет Россия. Хотя я сомневаюсь, что славяне называли себя язычниками. Пращуры бережно относились к природе. Сейчас люди забыли, что духи мстительны к терзателям их храма, впрочем, человечество себя же этим и наказывает. Да! По поводу пантеона богов, то, я уверен, что наши предки ощущали присутствие божеств во всём, опасаясь, что каждое их действие изначально скверно. На самом деле Велеса, Сварога, Дажьбога и других не существует в отличие от духов. Я лучше поверю в то, что есть один вездесущий Господь. Однако с разницей от древних славян, выдумавших множество богов, большинство христиан живут во лжи, выставляют напоказ чувство любви к Богу, чередуя грехи и поверхностные покаяния, до самой смерти ступают по кривой дороге. Ты не задавалась вопросом, почему священники пресекают язычество? – Денис надменно поджал губы. – Отвечу: душа славян стремится к природе, почитает её.

– У нас много осталось от древних славян, а что после жизни? Душа уйдёт в дерево или всё же у них есть загробный мир, а может, реинкарнация?! – удивлённо спросила немно-

го опьяневшая Ведьмочка.

– Да хоть в жопу, ничего нельзя проверить! А слушать и преклоняться перед теориями – не буду, – вспылил Князев. – Зачем гадать? Так можно и эту жизнь пропустить, готовясь к другой! А вдруг там не то, к чему ты стремилась, и потому прожила зря? Я считаю, что на Земле и в Космосе происходит всё само, общая паутина событий – и есть некая высшая сила... А твои поступки, мысли – ничтожная часть данной массы.

– Кем является для тебя дьявол?! – Оксане захотелось разобраться во внутреннем мире Князева, кто же на самом деле Дарен, таящий в себе загадку.

– Он всего лишь контрастирующий образ добра для разделения сущего на плохое и хорошее. Люди, чтобы оправдать свои злодеяния и проступки, придумали его. Вообще, Сатана – это человеческие пороки, которые Бог сбросит в озеро огненное, – кривовато улыбнулся Денис.

– Дарен, в тебе нет веры!

– Чтобы мне рассказать во что я верю, одного дня точно не хватит. К примеру, взять добро, для него не нужны проводники типа Церкви.

– В людях больше добра, чем зла? – увлеклась вопросами Ведьмочка.

– Добро и зло нельзя разделить, следовательно, и взвесить, получается две крайности одной и той же сущности. Зависит только, в какой части отрезка находится твой поступок.

Палка такова, что точка поступка всем смотрящим видна в разных местах.

– А убийцы кто?

– Необходимо знать, какую цель они преследуют? Человек убивает себе подобного, иногда даже из добрых намерений. Опять же согласно христианству вообще творить можно, что угодно, помолился и получил прощение, – Денис всё больше распалялся, – а потом идти снова грешить!!!

– Ты не прав, раскаяние – на один раз. Взять, к примеру, Раскольникова, вот она вера! Человек убил, потом покаялся, и я уверена, он больше не пойдёт на убийство. А то, о чём ты говоришь, лишь оправдание самих людей. Я видела, как после службы тётки выходили и ругались друг с другом – это неистинное христианство, – с нежностью в голосе говорила Ведьмочка. – Легковерные утверждают, что в православии имеются заимствования от язычества, и Библия лишь выдумка больного воображения. Каким упрёкам и наветам подвергалась христианская вера, Спаситель жил как историческая личность и, победив смерть, искупил людские грехи. Слабый духом человек не принимает истину бытия, но на пустом месте без Христа не могло основаться ХРИСТИАНСТВО.

– Тебе решать, что именно называть Богом. Я же не понимаю, если Господь существует, то почему потомство должно искупать грехи за предков и страдать? Бог не карает виноватых при жизни, сколько людей загнивает в безнравственно-

сти, и адом их не запугать, зато Он наказывает невинных детей при появлении на свет, – нахмурился Денис. – Как быть страдающей женщине, которая больна физически от рождения, и не в состоянии из-за недуга воспитать дитя, а на мужа не всегда ведь можно положиться? Получается, на ней род обрывается, несмотря на её покаяния. Почему Господь допустил её инвалидность?! – в голосе Дениса прозвучали раздражительные нотки.

– Истинной православной христианке нельзя без мужа зачать ребёнка, ей необходимо верить, молиться, чтобы Господь дал суженого, и подготавливать себя стать матерью. Тогда она будет достойна благодати Божьей, – неуверенно ответила Оксана.

– Как-то ветхо основываться лишь на христианской вере, даже делами на судьбоносную встречу не всегда можно повлиять. А вдруг всё безрезультатно и не найдёт она сердечного принца, готового посвятить ей жизнь, тогда рухнувшая надежда может погубить человека, – сделал вывод Денис.

– А язычество что может предложить больной девушке?

– Соприкосновение с природой укрепит тело и душу. Человек обретёт уверенность в своих возможностях. К тому же нужно найти истинную ведающую мать, а она-то может через знания о растениях и мире духов улучшить здоровье страдалицы.

– Как распознать не шарлатанку? – полюбопытствовала Ведьмочка.

– Спроси у неё то, что тебе хорошо известно, поговори с ней, но никогда не отвечай на её вопросы. Ты же всё наверняка знаешь. Сама ведьма по сути, а значит ведающая мать. Почему не хочешь применять способности?

– Я в христианского Бога верю! Он везде! К моему стыду мало знаю о язычестве, просто чувствую мир. Впрочем, во мне есть что-то от древних славян, недавно была в лесу, наедине с природой ощутила блаженство, будто в храме побывала. Мысленно общалась с духами. И они мне дарили покой, – глаза Ведьмочки засверкали.

– Вот видишь, природа с тобой искренна во всём, – чуть улыбнулся Князев.

– Есть секты, всяческие староверы, прикрывающиеся любовью к природе, – рассудила Ведьмочка.

– Они те, кто преследует выгоду. Ты не верь им.

– Мне духи природы дали знак спасти тебя от ненависти.

– Зачем?! – передёрнуло Князева.

– В тебе умер Бог. Ты противен сам себе, я хочу излечить твою душу без заклинаний, – прищурилась Ведьмочка.

– Мне не измениться по чьей-то воле, так что не пытайся, – на лицо Дениса нашла туча. – Я ощущаю в себе нечеловеческую силу, уверенность, которую не чувствовал, пребывая с Богом в духовном единении.

– Ты пессимист, Дарен, и мазохист души, тобой овладели бесы!!!

– Нет, я реалист! – скулы Князева судорожно задрожали,

он налил пиво, и одним глотком кружка была осушена.

Ведьмочка не отставала от собеседника в питье янтарного зелья. Хмель совсем ударил ей в голову, и захотелось веселиться. Присев к Денису на колени, Оксана прошлась пальцами по его бронзовым кудрям, пытаясь легкомысленно перевести мысли на более приятный лад.

Дверь в комнату со всего размаха открылась, и на пороге появился шатающийся Егор с туманным взглядом.

– Кто-то сегодня пить не собирался?! – возмутилась Ведьмочка.

Волков прошёл к своей кровати, достал из-под подушки две баночки алкогольного коктейля и одну протянул Князеву.

– Да я не собирался, однако не удержался! – посмеялся Егор.

– Удержаться в этом деле сложно, особенно, когда водка помогает экзамены на пять сдавать, – проурчала Ведьмочка.

– Ты знаешь, Оксан, когда я трезвый сдаю, то волнуюсь, отчего всё забываю, а если перед экзаменом выпью водочки грамм двести, мысли сами начинают в голову лезть, даже не нужно усилий прилагать что-либо вспомнить, – на последнем слогe Волков икнул.

– Так только у тебя может быть, – уточнил Денис.

– Надо и мне попробовать так же сдавать экзамены, – пошутила Ведьмочка.

– У тебя и без граммов получается хорошо учиться!

– Спасибо, милый, за неоценимое наблюдение!

Она встала с колен Дениса, предупредила, что сейчас вернётся, ускользнула за дверь. Егор замолчал. Он сидел на корточках, о чём-то задумавшись, тяжело вздыхал. Лицо его выражало серьёзность, нетрезвый взгляд – беспокойство, тоска ложилась на грудь.

Денис усмехнулся про себя: «Осталось Волкову только завыть словно волку без племени!» – и обратился к Егору:

– Ты разобрался в билетах по «Активным процессам в современном русском языке»?

– Нет! – вздрогнул Волков.

– Поэтому грустный? – учтиво заметил Денис.

– Переживаю за оставшийся последний экзамен, боюсь, не сдам. Думаю, пора вещи домой собирать.

– Ты в прошедшие три сессии перед каждым экзаменом говорил, что не сдашь, а получал оценки отличные. И в эту сессию происходит то же самое! Тебе не надоело бояться?! – вежливо успокаивал его Князев.

В комнату вошла довольная Оксана.

– Ну что, продолжим бухать?! – она потёрла ладони.

Денис разлил пиво.

– Егор, а у тебя губы бантиком! – кокетливо заметила Введьмочка.

В ответ Волков подавленно улыбнулся и вышел в коридор покурить, голова болела только об одном: «По “Современным русским процессам” у меня совсем плохо», – он втянул

дым, тревога не давала покоя. – «Теорию ещё можно зазубрить, а вот с практикой? Завтра на консультации нужно доконать препода или, нет, лучше сам дойду до сути собственным умом. Хотя, я, наверное, зря волнуюсь. Перед экзаменом выпью грамм двести или лучше триста и махом всё напишу. Данный способ меня ещё не подводил».

Глава третья Сестра Смерти

Природа переделалась в радужное платье, приняв приглашение станцевать с месяцем сентябрём. Они кружились в вальсе любви, пока октябрь не похитил у брата возлюбленную. В его руках она стала потихоньку терять свою яркую красоту. От слёз под её ногами образовалась грязь. Что-то сказочное творилось в эти осенние дни.

Воскресным утром Алексей с сестрой прогуливались по парку. Землю осыпали мёртвые листья. Дымка окутала деревья, верхушки которых тянулись к недостигаемому ими небу, словно умоляли о тёплых лучах солнца.

– Как себя чувствует дорогой брат, так усердно хранящий свою тайну? – Виктория с недавних пор заприметила озабоченное состояние Алёши.

– Замечательно, ведь я гуляю с красавицей и горжусь тем, что она моя сестра, – юноша надел довольную маску.

– Не увиливай от ответа, у тебя что-то случилось? Ты сам не свой ходишь. Нет бы душу излить, а не вести себя как партизан! Даже день рождения не праздновал, – Вика показательно вытянула дудочкой пухлые губки.

– Не люблю я этот праздник. Он приближает смерть, – буркнул Алёша.

– Ну, товарищ, с такой депрессией далеко не уйдёшь!

Алексей не знал, с чего начать разговор, и стоит ли вооб-

ще рассказывать о личных переживаниях.

– Я познакомился с девушкой, дело в том, что она богата, вернее её отец, и я остро ощущаю ущербность в наших отношениях.

– Любишь её?! – Виктория поглядела в глаза брату.

– Пока не определился с чувствами, но Агния мне симпатична!

– Разве не могут быть вместе разные по социальному статусу люди? Ты должен перебороть заносчивость.

– Я не уверен в её искренности.

– Рано или поздно всё будет так, как должно случиться, но если тебя гложут сомнения насчёт отношений, для начала ты можешь стать девушке другом и совсем скоро узнаешь об истинных её чувствах.

– Спасибо, моя хорошая! – оживился брат. – Расскажи, когда собираешься замуж?!

– Не знаю насчёт свадьбы, всё времени у Ильи нет. Я скоро стану мамой, а семейная жизнь не начиналась, трудно любить дальнбойщика, – Виктория невольно вздохнула, после чего слегка улыбнулась: – Вчера вечером он звонил мне, обещал приехать послезавтра!

Сестра просунула руку под локоть брата и почувствовала его защиту. Он пытался дать ей дельный совет, а она его подбадривала. Каждый из них вытаптывал свою судьбу, не мешая друг другу существовать в сложном мире. Виктория устроилась уборщицей в музыкальную школу, как-то связав

жизнь с миром звуков. Алексей следовал по пути, проложенному собственными принципами, но по настроению всё же осуществлял гибкость к ним.

Проводив Викторию в родительский дом, Алёша поехал к Агнии. Ему захотелось посмотреть в окошко Петровой и узнать, спит ли она, не коснулось ли утро её покоя, а может, напротив, девушка уже наслаждается наступлением нового дня.

Алексей подошёл к большому дому, зловеще возвышавшемуся над бедностью юноши. Но его путь преграждал забор. Меншиков заметил два дуба, один из которых рос за ограждением. «Почему они упустили такую лазейку, неужели деревья пожалели?!» – удивился Алёша. И вскарабкался по крепким ветвям, осторожно обогнув металлическую пикет забора, схватил сук противоположного дерева. Дуб будто протянул свои корявые руки к ногам Алексея, выстраивая из них перекладины, и юноша оказался на земле.

Меншиков всматривался в окна. Его охватило безумное стремление увидеть Агнию.

Он крикнул несколько раз её имя. В одной из комнат отдёргнулась занавеска, задрезжалась оконная рама. Из открытого окна выглянуло морщинистое лицо и хриплым голосом проговорило:

– Что здесь происходит?!

Алёша сделал несколько шагов назад, не ожидая увидеть старушку:

– Агния дома?!

– Агуси? А её нет. Она как ушла и до сих пор не воротилась. Даже не знаю, где её сыскать? – развела руками бабуля.

– Извините меня за беспокойство, и что вторгся на вашу территорию.

– Если бы я тебе не помогла, ты бы сюда, милоч, не попал. Взгляни, дерева-то нет, – ехидничала старушка.

Меншиков вытаращил глаза:

– Я думал такое возможно только в сказках!!!

– Или в ужасах, – захохотала женщина, но внезапно прекратила смех. – А ты кем Агусе приходишься? – лукавила бабуля.

– Другом, – неуверенно ответил Меншиков.

Бабушка на это помотала головой:

– Всё не то, сынок, сложности тебя ожидают. Будешь тратить время на пустые размышления, ненужные вещи и на сомнения, уничтожая тем самым себя и причиняя боль близким. Хочу дать тебе совет, ты должен суметь жить по закону небес, не нарушать его, тогда спасёшься. Помни, всадник на бледном коне по имени Смерть дотрагивается до живых, лишая меня существования в них. Я бессильна порой бываю, особенно, когда не борются за меня, не хотят жить. Ибо имя моё – Жизнь! Я могу принимать любой облик в зависимости от того, что чувствует человек. Осторожнее выбирай путь, после того, как ты встретишься с... – старушка огляделась по сторонам точно кого-то искала. Морщинистое лицо оза-

рилось страхом и выглядело как у гнома, увидевшего надвигающуюся стопу Гулливера.

Ошарашенный Алексей чуть не поперхнулся слюной, думая, что бабуля не в себе, но всё же спросил:

– С кем?!

Загадочная бабушка стремительно исчезла за окном, и такой важный для него вопрос унёсся вместе с пронизывающим до дрожи ветром, лихорадочно закружившим листву. Мгновенно небо затянулось беспросветной чёрной пеленой, улица облачилась во тьму.

Со склонённой головой Алексей побрёл к выходу, навстречу шла Петрова, но увлечённый мыслями Меншиков не замечал её. Девушка подошла ближе и ласково коснулась его плеча. Алёша наконец-то отвлёкся. Он был взволнован:

– Что за бабушка живёт с тобой?!

– Какая бабушка?! – удивилась Агния.

– У тебя же есть бабушка?

– Да!

Алексей рассказал девушке о случившемся. Агния рассмеялась:

– Ты не заболел? Я только что возвращаюсь от бабули!

– Но дерево исчезло, понимаешь?! Как, по-твоему, я попал сюда? – Меншиков будто бредил.

– Алёша, калитка была открыта! Сегодня охранник уволился, не снёс характер моей матери, а нового она ещё не нашла, – глаза Петровой округлились.

– Да уж! – растерянный Алексей почесал лоб.

Агнию напугало состояние Меншикова, она забыла о выяснении отношений после их достаточно долгой размолвки. Девушка с материнской нежностью проводила юношу до его дома.

Улёгшись в постель, Алёша размышлял о загадочной бабушке. Мысли шалили: «Что со мной произошло, может какая-то болезнь подкрадывается или у меня есть дар видеть потусторонний мир? Бред!!! Это всё появилось после знакомства с Агнией, именно она вызывает у меня странное ощущение – фантазмагорию!»

За окном синеватым оттенком поблёскивал рассвет; всю ночь Алексея мучили страхи. Сильно болела голова. Он закрыл глаза, и дремота накрыла его тревожным сном. Ему снилась Агния, её глаза горели заревом заката, рот кривился в насмешке, в руке блестело лезвие ножа. Она непринуждённым шагом двигалась к нему.

Алёша резко пробудился. Подушка была мокрой и казалась жёсткой. Он встал с постели. На улице совсем рассвело, по небу плыли белоснежные облака, за ними золотом сияло солнце. Алексею захотелось глотнуть свежего воздуха у подъезда. Он вышел из квартиры, натолкнувшись на мужчину:

– Здравствуйте, вы Меншиков Игорь Максимович?

– Нет, – насторожился Алексей. – Зачем он вам нужен?!

Алёшу встряхнула новость: Игорю принесли повестку из военкомата. Он позвал брата.

Когда посыльный ушёл, Алёша в прихожей задался вопросом:

– Может, и мне пойти в армию?

Игорь сосредоточенно пробежался по написанному.

– Тебя и не возьмут туда! – отрешённо проговорил он, занятый чтением.

– Понимаю, с психологическими расстройствами туда не берут, – пошутил Алёша.

– Помимо того что у тебя язвенная болезнь желудка, ты ещё эмоционально уязвим, – Игорь поджал губы.

– А у тебя снижение веса!!! Как ты будешь в армии каши жрать, от которых давишься? – спохватился младший брат. – Может, у тебя болезнь какая открылась?!

Игорь направился в спальню:

– Помнишь, я похудел в старших классах, пытаюсь найти финансы для поступления в какой-нибудь педагогический университет в Москве. Хотелось покорить столицу. К сожалению, у нас не было денег даже на дорогу, не говоря уже о питании и прочих расходах во время вступительных экзаменов, – он ткнул пальцем в воздух.

– Высшее образование не помешало бы! – Алексей шёл за братом.

– Знакомый врач сказал, должны дать отсрочку по весу до следующего призыва, – наивно рассуждал Игорь, успока-

ивая себя. – Я смог бы подзаработать денег за это время. В больницу меня вряд ли надолго упекут на обследование и откармливание, вес мне там всё равно не набрать. Впрочем, поступить в университет не судьба, матери деньги нужны. Ты несовершеннолетний, а Вика беременна, скоро ей вообще будет не до работы.

– А если не дадут отсрочку?

– Пойду значит служить.

– Как же мы без тебя тогда будем целых два года?

– Ну, придётся тебе устраиваться на работу грузчиком или уборщиком, вопреки творческой личности. – Игорь похлопал брата по плечу.

– Надеюсь, ты не попадёшь в Чечню, хоть война вроде бы и закончилась, но там всё же стреляют, – смягчил Алексей полученную информацию от друзей.

– Я не смогу убивать мирных жителей.

– Тогда убьют тебя. Знаешь, какой чеченский народ?! Дай им волю, и ты труп!!! – вспыхнул Алёша.

– Даже если вдруг у меня сработает инстинкт самосохранения, то психологически будет тяжело. Ты же в курсе, я против насилия, а Чеченскую войну считаю бессмысленной, – голос Игоря не выражал эмоций.

– Почему власти не смотрят на ошибки предшественников?! Ведь история России показывает, что Кавказ лучше не трогать. Испокон веков там ведутся затяжные войны, всё-таки горячий народ, чуть заденешь и не остановить. У меня

чувство, что это никогда не закончится, разъярённые кавказцы постоянно будут осуществлять террористические акты. Ты заметил, что они в России происходят каждый год по несколько раз?! – отчаялся Алексей.

– Да, как раз все громкие теракты связаны с Чеченской войной.

– Ты хочешь защищать отечество? – Алёша заметил умиротворённый взгляд брата.

– Служить России можно по-другому, и для этого не обязательно воевать.

В комнату вошла мать и тонким голосом сообщила, что Алексея в прихожей ожидает Агния. По телу юноши прокатился озноб. Он, справившись с волнением, вышел из спальни.

– Здравствуй, моя хорошая, – Алёша чмокнул девушку в щёку.

– Привет. Неважно выглядишь.

– Голова раскалывается, – скорчил недовольную гримасу Меншиков.

– Вчера пил что-нибудь алкогольное? – предположила Петрова, однако не почувствовала запах перегара.

– Почему сразу пил?! – Алексей окинул её любопытным взглядом будто пытался понять, кто стоит перед ним на самом деле: его Агния или призрак из сна. – Хотел покурить, а тебя вот увидел и забыл, – засуетился Алёша. – Сейчас выкурю одну сигаретку. Ты проходи в зал, – Меншиков напра-

вился к балкону.

– Как мать относится к твоему курению?

– Смирилась она уже, Агнюш, – улыбнулся Алексей, закрывая за собой дверь.

Чистый тяжёлый осенний воздух проник в лёгкие. Алёша похлопал по карманам, но пачки с сигаретами не оказалось.

– Так! Пора бросать курить, а то память уже продымил! – он вспомнил, что оставил сигареты на сундуке.

Во входную дверь позвонили. Алексей поторопился в прихожую, подмигивая Агнии. Пришли две девчонки, похожие друг на друга, как отражение в зеркале.

– Лёха, приветик! Здравствуй, Лёха! – наперебой поздоровались прекрасные цветы Кавказа.

– В путяговской курилке мы тебя давно не наблюдаем. Прогуливаешь ПТУ? – поинтересовалась одна девушка.

– Я скучала по тебе, – продолжила другая.

Из зала вышла Петрова, сёстры в упор посмотрели на неё.

– Привет, чувиха! – насмешливым голосом произнесла девушка, стоящая ближе к Агнии.

– Какая я тебе чувиха?! – зашипела Петрова.

– Агнюш, не обижайся на неё, Зара со всеми так здороваётся, – Алексей пытался успокоить девушку со столь взрывным характером.

– Фу, они такие безликие и невоспитанные! – с отвращением протараторила Агния.

Зара проигнорировала оскорбление, но в отместку позва-

ла гулять Алёшу. Он принял приглашение, взглянув в надменное лицо Петровой.

Близнецы Зара и Амина Цугаевы с матерью и отцом бежали из Чечни. В ушах сестёр изо дня в день раздавались стрельба, ракетные удары, крики о помощи. Всё это хотелось забыть: там погибли не только знакомые, но и четырёхлетний братишка. После боевых действий село окутала невыносимая тишина, девочкам подумалось в тот момент, что всех убили. Семья Цугаевых вылезла из укрытия и, озабоченная видом своего разрушенного жилища, не заметила, как мальчик, подобрав гранату с вынутой чекой, бросил её. Прогредел взрыв...

Агния оставила Меншикова, решив, что ей не место в «честной компании». Алексей с близнецами направился в кафешку, где постоянно собиралась местная молодёжь.

В кафе Алёша купил на деньги со стипендии себе недорогое красное вино, а девочкам – пиво. За столом Амина и Зара весело болтали. Алёша начал распивать бутылку. Алкоголь ему помог расслабиться. Постепенно всё вокруг перекрашивалось в колоритные цвета, хотелось наслаждаться ярким самообманом. Но откуда-то извне раздался голос, перебивший нахлынувший экстаз...

– Меншиков – ты где витаешь?!

Алексей поднял затуманенный взгляд на Зару и кивнул, давая ей понять, что всё нормально.

– Как там, на войне? – вдруг спросил он.

Девочки переглянулись, и с лиц исчезли улыбки, крик матери пронёсся в памяти Зары:

– Страшно видеть гибель родных!

Меншиков, шатаясь, встал из-за стола и продекламировал:

– Я пойду в армию и потребую распределения в Чечню!

– Чтобы убивать неповинных людей?! – озадачилась Амина. – А я думала, ты хороший, – разочарованным голосом произнесла она.

– Нет, убивать супостатов России, – уточнил Алексей, размахивая рукой.

– Я тоже тебе враг? – растерянная Амина не ожидала от Меншикова таких слов, она задумчиво произнесла: – Эту войну затеяли для одной цели: заработать на крови.

– Почему же ты с нами общаешься?! Мы же те, кого вы уничтожаете! – прозвучал злой голос Зары.

– А мы те, кого убивают чеченцы. – Меншиков плюхнулся на стул, глаза наполнились слезами, он виновато пробубнил: – Мне нужно домой.

Алёша взял на последние деньги бутылку дешёвого портвейна. По дороге он хлебал алкоголь из горлышка, обжигая душевную муку. Встреча у подъезда с сестрой переключила паршивое настроение на безудержную радость.

– Се-ст-р-ру-ха, ты меня опять ожи-дае... – На шипящей Алексея повело в сторону, и он шлёпнулся на асфальт.

В первый раз Виктория увидела брата в таком состоянии, она попыталась узнать, что случилось. Алёша только мычал, силясь подняться. Вика в растерянности пошла за помощью Игоря.

Они довели брата до квартиры, тот попросил курить. Игорь нащупал в его кармане пачку и достал из неё проклятое курево. Алёшины руки не слушались, и сигарета покати-лась по лестнице. Алексей хотел кинуться за ней, но одумав-шись, еле удержался за перила. Игорь поспешил отправить любимого братца в комнату.

– С чего он надрался? – не понимал старший брат, укла-дывая Алёшу в постель.

– Не знаю, – пожимала плечами Вика.

– Ладно, завтра всё выясним, а сейчас пойдём ужинать. – Игорь устремился в кухню.

Виктория почувствовала, как сосёт под ложечкой, напра-вилась за ним.

– У нас есть только бутерброды, могу пожарить карто-фель, – девушка открыла холодильник.

– Сейчас что-нибудь приготовлю. – Игорь достал из шка-фа ведро с картофелем.

– Ты просто прелесть, братишка, повезёт твоей жене! – лицо Вики расцвело в улыбке.

Меншиков принялся чистить картошку.

– Когда твой муж приезжает? – заботливо осведомился он.

– Должен завтра. Наконец-то мы заживём хотя бы граж-

данским браком. Снимем квартиру. Так что Алёшка может перейти в мою комнату. – Её зелёные глаза наполнились нежностью и любовью.

– Тебе мать не говорила?! Меня, возможно, заберут в армию. – Игорь ожидал от сестры высокопарных слов о настоящем мужчине, знакомые уже успели ему надоесть этим.

– Что-то об этом слышала, – прикинулась дурочкой сестра. – Ты не переживай, два года быстро пролетят, – на удивление юноши она махнула рукой.

Игорь порезал очищенную картошку соломкой. Виктория разогрела масло и взяла в свои руки дальнейшее приготовление пищи. По воздуху разлетелся аппетитный запах, от которого не терпелось насытиться вкусной едой.

Пужинав, они поблагодарили друг друга. Брат пошёл в спальню, а Вика приступила к мытью посуды.

В комнате Игорь присел на краешек кресла, постучал пальцами по столу, как по пианино. Взглянув на спящего Алёшу, он волнующе сосредоточился на ящике стола. Под ним, словно в тайнике, уютно лежал конверт с небольшой суммой сэкономленных денег от разных подработок в старших классах и части зарплаты, полученной на химзаводе.

Летом Игорь устроился с помощью матери, имеющей высший разряд мастера, на химический завод по производству кремнийорганической продукции. Ему приходилось исполнять прихоть начальства – красить заржавевшие трубы или быть мальчишкой на побегушках; больше на эту работу ни-

кто не шёл, потому его и взяли. Меншиков получал хоть какие-то деньги для семьи и понемногу откладывал себе. Игорь даже не задумывался, что его могут скоро призвать в армию, ведь все говорили про отсрочку.

Юноша, достав конверт из-под ящика, повертел его в руках, и принял решение отдать все свои сбережения матери.

Справившись с мытьём посуды, Виктория у зеркала в прихожей накручивала бигуди и мяукала песенку под нос. Пришёл отец с мясокомбината, где работал уборщиком. Поинтересовавшись, все ли дома, он прошёл в кухню.

– Куда подевалась мать ваша?! – крикнул оттуда он.

– На работе, она в ночную, ты что забыл, папа?! – удивилась дочь.

– А! Сегодня меня задержали, поэтому я так поздно. Ну, хорошо, что мать ушла, – согласился Максим Павлович.

Виктория не хотела связываться с ним. Она знала, что у отца закончились деньги, и он опять будет клянчить их у неё. Вика поспешила скрыться в комнате.

Ночью на Алексея нахлынули страхи, он резко оторвался от подушки. Игорь спросонья включил светильник и увидел небывалое: Алёша с испуганным видом всматривался в окно, не обращал внимания на действия брата. Игорь подошёл к нему, помахал ладонью перед его глазами.

– Что там интересного? – усмехнулся старший брат.

– Ты видишь их? – очнулся Алексей.

– Кого?!

– Глаза цвета заката. – Алёша показал на окно, за которым повисла темнота.

– Мне думается, тебе алкоголь противопоказан.

– Я не пьян! – со всей серьёзностью возразил юноша.

– У тебя последствия от пьянки!

– Братишка, мне страшно, они смотрят на меня!!! – за-нервничал Алёша.

Игорь зашторил окно:

– Всё, теперь их нет, не дрейфь.

– Я не сумасшедший, – чуть слышно пробормотал Алексей.

Старший брат пошёл за водой и тазом. Вернувшись, он протянул кружку:

– Пей, тебе станет лучше.

Алексей выпил содержимое и наклонился к тазу.

– Вот, молодец! – спокойным голосом произнёс Игорь.

Неожиданно Алёша вскочил с кровати и стал трясти оде-яло.

– Что ты делаешь?! – возмутился Игорь.

– Да я крестик потерял!

– Завтра найдёшь, спать ложись уже. Мне с утра на рабо-ту!

– Пока не найду, не дождёшься! – ухмыльнулся Алёша.

– Я уже давно не видел его на тебе, – подсказал Игорь.

– Точно, он же здесь, – младший брат достал из ящика

стола коробочку.

Он долго рассматривал крестик, приговаривая что-то на непонятном языке. Игорь положил на голову подушку, но сон отгоняли Алёшины вскрики.

К утру Алексей заснул, Игорь заторопился на смену. Он выпил кофе, однако голова от него только потяжелела, и вышел из квартиры, где осталась манящая к себе постель. В подъезде пахло осенней сыростью. Улица плакала проливным дождём.

На проходной завода Игорь встретился с матерью. Уставшая от работы, она немного сутулилась. Мария Анатольевна поинтересовалась, как дома обстоят дела. Игорь по-солдатски выполнил приветствие:

– Товарищ генерал, во время дежурства происшествий не было! – он не захотел беспокоить мать.

– Уже готовишься служить, сыночек дорогой?! – погладила его по щеке Мария Анатольевна.

С утра Виктория хозяйничала на кухне, готовясь к приезду Ильи. После приготовления борща и жареного картофеля, она начала одеваться в лучшие наряды, их выбор оставлял желать лучшего. Вика сто раз спросила мнение матери, в чём лучше предстать перед возлюбленным, но всё-таки надела простенькую длинную юбку цвета сгущёнки и розовую маечку.

Поднявшись с постели, Алёша почувствовал тошноту,

подступающую к горлу, он бросился в ванную комнату. Его знобило, мысли перескакивали с одной на другую: «Зачем поддался слабости и напился?!» – рассуждал он. – «Чтобы дать разуму отдохнуть, не сойти с ума, однако важно не привыкнуть к этой зелени. Как быть в отношениях с Агнией, она, наверное, сердится на меня? Хандра, мне ничего не хочется делать, чувствовать. Лучше уйти от всего, скрыться, отключить переживания. Всё бессмысленно. Чужая для меня жизнь, ничем не радующая! Может заточиться в монастырь и найти там смысл бытия? Принять на себя всю людскую вину перед Богом и выстрадать человеческие грехи. Страданиями омыться, впрочем, я только думаю о своей никчёмной душе. Или... нет, истинно говорится, Господь возрадуется, что перед ним тёмный человек кается, тем самым подпуская к себе свет, и возьмёт меня после телесной кончины к Себе. Я хочу попасть в рай, найти там блаженство души, но ведь православный никогда не будет считать себя святым, а я, выходит, заранее считаю и потому грешник. Сложно, разобраться сложно, сомнения и грехи не пускают».

Виктория сидела на табуретке посередине спальни, нетерпеливое волнение нахлынуло на неё. Позвонили в дверь, и сердце застучало сильнее, девушка кинулась встречать возлюбленного. Предчувствие не обмануло, на лестничной площадке стоял с сумкой полный мужчина тридцати лет. Он перешагнул порог.

– Илюха! – Виктория прильнула к нему.

Он бросил сумку на пол. Его большие руки ухватили девушку, Илья одарил невесту поцелуем.

– Ну, здравствуй, Викуся, рад вас видеть! – он протянул руку Алексею, вышедшему из ванной комнаты.

– Здорово, здорово! – пожимая двумя руками ладонь Ильи, протараторил Алёша.

– Где все? – во весь басистый голос поинтересовался Илюха.

– Родители спят, мама после работы недавно легла, а папа ещё не вставал. Игорёк на смене, – доложила сводку Виктория.

Разочарованный таким приёмом будущих родственников Илья вслед за дамой сердца прошёл в её комнату. Он, посадив Вику рядом с собой на диван, поинтересовался, как протекает беременность.

– Наш малыш меня почти не беспокоит, – улыбнулась девушка.

– Больше тебя ни на минуту не оставлю, хочу наблюдать за моим сыном, я почему-то уверен, что будет мальчик. Кстати, я с другом открываю автосервис. Поэтому нам с тобой нужно как можно скорей переезжать в квартиру, которую я купил в Подмосковье. Так что увольняйся с работы!

От неожиданной новости Виктория воскликнула:

– Откуда у тебя столько денег?! Почему раньше не говорил?

– От верблюда, – Илья щёлкнул по её вздёрнутому носи-

ку. – Сюрприз тебе хотел сделать!

– Ты голоден?! – засуетилась девушка.

– А ты как думаешь? – он обнажил белые зубы, голубые уставшие глаза умилялись реакцией Виктории.

Она повела за руку милого обедать. В кухне Алёша попи-вал чай. Илья принёс из прихожей сумку и, вытащив из неё дорогой коньяк, торжественно поставил его на стол:

– Ну что, Лёха, по одной?!

Алексей добыл из шкафа две рюмки, Илья налил в них алкоголь, и они чокнулись за встречу. Виктория достала из холодильника закуску. Быстро разогрела борщ и картошку.

Словно почувствовав, к ним присоединился заспанный отец. При виде спиртного он сразу взбодрился, подобрел и повеселел.

– Мама ещё спит? – спросила у него дочь.

– Начала потихоньку вставать, – ответил отец, тыкая ви-лкой по маринованным грибам.

– Пойду, посмотрю, как она там? – Виктория чмокнула в колючую от коротко постриженных волос макушку Ильи.

Девушка приоткрыла дверь зала и тихонько зашла. Ма-рия Анатольевна лежала одетая на кровати, её взгляд был устремлён к потолку. Заслышав скрип половиц, которые не так давно настелил Максим Павлович, она повернула голову и улыбнулась:

– Приехал твой жених?!

Виктория подседа на диван к матери:

– Я наконец очень счастлива!!! Теперь у меня будет своя семья, даже квартира.

– Откуда квартира?! – подхватила мать.

– Илюха купил для нас.

В зал вошёл Илья поздороваться с будущей тёщей. Мария Анатольевна извинилась за своё пребывание в постели и поспешила встать, но Вика её отговорила, сославшись на то, что Илюхе нужно также выспаться, ведь с дороги человек.

Глава четвёртая Заупокойная

В квартире Меншиковых собралась компания. Звучали армейские песни, частушки под гитару. В воздухе висел дурманящий аромат сигарет и алкоголя.

– Игорь, ты пока не знаешь, куда тебя отправляют служить? – полюбопытствовал сочувствующим голосом Долохин.

– В Тамбов, но информация пока неточная, могут перенаправить в другую воинскую часть.

– Хочешь в армию? – не отставал Иван.

– Думаю, больше пользы от меня на гражданке.

– Почему учиться не стал?

– Не нашлось денег, потому упустил время, – неохотно ответил Игорь.

– Меня вот из института отчислили, – ухмыльнулся Иван.

– Из-за чего?

– За несданную сессию и стрельбу.

– Ты убил кого-то?!

Долохин расхохотался, но взял себя в руки:

– Я обкурился, после чего из ружья солью стрелял по студентам.

– Ничего себе! – Меншиков искал глазами брата, взор остановился на прекрасной картине любви: Алёша обнимал Агнию за плечи, любуясь болотной зеленью её глаз.

Игорь налил водку в два гранёных стакана и подошёл к ним:

– Братишка, осушим бокалы напоследок?!

Алёша взял у Игоря стакан:

– За тебя, брат, служи Отечеству на славу!

Они выпили беленькую.

– Я сообразил, кого мне Долохин напоминает! – Игорь поморщился после огненной воды. – Змия-искусителя.

– Что это ты вдруг?! – удивилась Агния.

– Да достал он, так и просится под горячую руку. Кто его вообще позвал?! – вспылил старший брат.

– Вообще-то он чует тусовки, – смутился опьяневший Алексей.

– Давайте лучше пить! – вставила Петрова.

– Не, я больше не буду, утром ехать, – замотал головой Игорь.

– Кстати, завтра нужно забросать тебя кусочками хлеба у родительского дома, после чего обязательно всего один кусочек с корочкой подобрать и отдать домовому на съедение, – вспомнила обычай Агния.

– Как это домовому?! – поднял брови Алёша.

– Положить этому духу корочку через левое плечо в угол, а через три дня проверить, она должна пропасть, если лежит, то значит, всё хорошо не законч... – запнулась Агния.

– Откуда ты это знаешь?! – присоединилась к трио Виктория, не поехав с Ильёй в московскую область из-за прово-

дов брата.

– Бабушка рассказывала! – со всей серьёзностью ответила Агния.

Игорь повернулся к сестре:

– Когда Илюха и ты будете вместе? А то вы опять откладываете семейную жизнь.

– Я же не могла забыть на тебя, братишка. – Виктория взяла за руку Игоря, её лицо просияло. – Илья завтра за мной приедет! У него сегодня важные дела.

– А твоя бабуля – ведьма?! – задумчиво спросил Агнию побледневший Алексей, в памяти возникла старуха в окне.

– Думаю, что нет. Она хранит русские традиции и рассказывает мне случаи из жизни. Ещё бабушка говорила, что из дома нужно выйти спиной и так с лестницы спускаться до самой машины, обманывая злых духов.

– Ладно, хватит об этом! – Алексей резко прервал неприятную для него тему. – Дорогая Агньюша, у тебя есть автомобиль?! – он переключился с мысли о загадочных сущностях.

– «Вольво»! Я на нём приехала, чтобы завтра вас подкинуть до военкомата, – насторожилась Петрова странному вопросу.

– Хорошо! – задорно подмигнул Алёша.

– Однако все мы не влезем в машину, кому-то придётся другим транспортом добираться, – улыбнулась Агния, зеркально отразив приподнятое настроение Алексея.

Ранним утром дружной толпой ринулись провожать Иго-

ря. На выходе из подъезда ребята по традиции, чтобы Игорь вернулся домой живым и невредимым, закидали его кусками хлеба на радость бомжам, которые сидели через дорогу у заброшенного кладбища. В машину сели призывник и родные, а остальные пошли к остановке.

Возле ворот военкомата пожелали ему ещё раз хорошей службы. Мать расцеловала сына, и он пошагал на место отправки.

– С Богом! – перекрестила Виктория военный путь брата, не подозревая, что за её спиной вырисовался силуэт сущности с пепельными волосами чуть ниже плеч.

К вечеру Мария Анатольевна отправилась к соседке. Виктория собирала вещи для отъезда, ожидая скорого приезда Ильи. Отец остался дома.

– Дочь, дай выпить, а! – жалобно простонал он, не найдя ни капли алкоголя.

– Хватит пить! – строго проронила Вика, нервно сворачивая блузку. – Всё спиртное, а его было, кстати, мало, выпили на проводах!

Отец, будто обезумев, полез с кулаками на Викторию. Девушка схватила трубку телефона.

– Я сейчас в милицию позвоню!!! – припугнула она.

Расстроенный отец стремительно прошёл на балкон, прокричав оттуда:

– Звони! – и спрыгнул.

В смятении Виктория выскочила из квартиры. Она прон-

зительно постучала в противоположную дверь, но никто не открывал. Девушка нажала несколько раз звонок, имитируя трезвон.

Соседка щёлкнула наконец-то замком, в её голосе прозвучали укоризненные нотки:

– Зачем же так ломиться?!

– Где мама?!

– Я здесь, – крикнула Мария Анатольевна.

Вика быстрым шагом прошла в кухню. Мать с возмущённым взглядом сидела на табуретке с чашкой сваренного кофе.

– Папа умер! – прокричала девушка.

– Как умер?! – Мария Анатольевна изменилась в лице.

– Упал с балкона!

– Звони 03!!! – утробным не своим голосом выкрикнула она.

Карета «скорой» приехала довольно-таки быстро. Врач выскочил из машины, пощупал пульс. Перед всеми лежал труп. Вызвали милицию.

Заплаканная Виктория сбивчиво рассказала милиционеру о суициде отца. Он осмотрел место смерти, мертвеца и балкон, после чего тело увезли в морг.

Семья собралась в комнате Виктории. Дети не могли понять, почему отец вот так просто взял и выпрыгнул с пятого этажа.

– Допился совсем, – сквозь зубы процедил Алёша.

– Где теперь деньги на похороны взять?! – всплеснула руками Мария Анатольевна.

– Разве тебе Игорь не отдал сбережения?! А то он мне перед отъездом шепнул просить их у тебя, если появится дельная нужда, – нахмурился Алексей.

– Я хотела сохранить деньги для Игорёчка, но вот теперь-то придётся на похороны. Да там сумма мизерна, – в глазах матери стояли слёзы.

Потрясённая смертью отца Виктория выдавила:

– Мам, я у Ильи возьму займы.

От переживания дочь захватил кашель. Алёша принёс сестре стакан с водой.

– Пусть Илюха приезжает, но пока ты не родишь, я тебя никуда не пущу! – Мария Анатольевна строго посмотрела на дочь. – Хватит с меня расставаний и потерь.

И всё-таки, каким они видели отца? Что он рассказывал им о своей жизни до встречи с Марией Анатольевной? В последние годы Максим Павлович пил, и потому его перестали принимать за человека. А ведь он по неграмотности своей считал себя из рода Александра Даниловича Меншикова, услышав об однофамильце по радио. В советское время верил, что вернётся к великосветским корням, когда придёт новая власть и сгонит «красных» с трона, однако получилось, что коммунисты быстро перевоплотились в демократов. Не настали счастливые времена, и депрессия охватила отца. Водка стала единственным спасением.

Максим Павлович часто наедине с собой вспоминал мать Анну Григорьевну. С пожелтевшего чёрно-белого снимка на него смотрела стройная, красивая с гордым взглядом женщина в светлом платье и убранными в пучок тёмными волосами. На протяжении всей жизни она хранила верность мужу.

Его отца, Павла Александровича арестовали в начале июня 37-го. Наркомом внутренних дел тогда был Николай Ежов, усердно чистивший страну от врагов советской власти и верящий в правильность своего дела.

В то время Павел Александрович, работая на автосборочном заводе в Москве, снимал над выходом из проходной портрет Сталина, чтобы обрамить в новую раму с резным орнаментом в виде зигзагов. Он увлекался резьбой по дереву, и потому заранее к 20-летию Красного Октября смастерил узор. Но вождь народов выскользнул из рук. Очевидцы приняли произошедшее за политическую диверсию и, негативно приукрасив ситуацию, доложили начальству. По воле Бога жена Анна Григорьевна избежала ареста. Она осталась одна с новорождённым сыном в московской коммуналке. Соседи, особенно те, кто обзавёлся большим семейством, боялись с ней заговорить и косили неприятные взгляды в общей кухне. Они шептали за её спиной мерзости, держа в мыслях заполучить себе несколько лишних квадратных метров. Комнату Меншиковых обыскали органы НКВД. На следующий день её опечатали. Женщину с ребёнком приютила свекровь.

Анна четыре дня разыскивала мужа по московским тюрьмам. В длинной очереди из родственников арестованных, она познакомилась с бабулей, у которой чекисты забрали сына, а потом внука. Всё повидавшая старая женщина посоветовала Анне бежать из столицы, чтобы спастись от возможного ареста. Недолго думая, Анна Григорьевна с грудным ребёнком уехала из Москвы. Свекровь с больными ногами время от времени продолжала искать сына.

Жена арестованного мужа с сынишкой поселились в Саратове у двоюродной сестры Анны. В чужой сторонushке Меншикова устроилась работать официанткой в кафе. В тот день свекровь сообщила ей в письме, что отец Максимки приговорён к десяти годам лагерей за контрреволюционную деятельность.

Однако Анне Григорьевне и Максиму на новом месте долго задерживаться не пришлось, в городе началась чистка от врагов советской власти. Женщина испугалась, если её арестуют, как жену врага народа, то тяжёлая судьба не минует сына. Мать с ребёнком перебрались в другую область, и пришлось обустриваться заново. Опьянённая муками скитания по европейской части Советской России Меншикова не испытала участи жён, отбывающих заключение в лагерях, мужа которых признали в предательстве Родины. Но от этого её женская доля не была лёгкой.

С начала войны мать и сын остановились в посёлке Ивановской области, подыскав жильё в бараке. Анна Григорьев-

на копала траншеи, строила блиндажи, пока её не попросили работать на торфозаготовках. В 1946 году Анна узнала, что муж умер в лагере от кровоизлияния в мозг.

В пятнадцатилетнем возрасте Максим, начеркав с ошибками записку матери, что уехал из Иваново, сбежал из дома с летним тёплым солнышком в Москву искать заработок. В столице на вокзале Меншиков познакомился с беспризорниками, они приняли его за детдомовца, одевался он не лучше их. Ночевали мальчишки в заброшенном вагоне. Максим научился у друзей-хулиганов вытаскивать из карманов зевак кошельки и зарывал половину денег в землю. Через два месяца он вернулся к матери в её день рождения. Анна Григорьевна всыпала сыну нагоняй за самовольный отъезд:

– Бесстыдник, ты не подумал обо мне! Вдруг с тобой что случилось?! Я тогда умерла бы от горя!

Максим протянул ей триста рублей:

– Мать, это тебе от меня подарочек на день рождения!

– Откуда у тебя деньги?! – прошептала женщина.

– Я нашёл работу на вокзале носильщиком сумок. И уютную комнату мне добрые люди предоставили, – сочинял сказочку Максим. – В Москве иногда встречается хороший народ, ну, ты должна знать, – прищурившись, чесал затылок сын.

Анна Григорьевна поверила или сделала вид, что поверила, однако наказала Максиму:

– В Москву не суйся. Кто будет спрашивать, где пропадал,

отвечай, что поехал в Иваново погулять по городу, а там у тебя украли деньги на обратную дорогу. Потому нашёл заработок, помогал людям, но не на вокзале ты таскал сумки, а, к примеру, по всему городу, и что они тебе платили деньги по своему желанию. Ты покупал на заработок еду, а ночевал, где придётся. А почему не возвращался домой, скажи, что ты решил к моему дню рождению набрать сумму на подарок, – мать говорила нервно, вздрагивая при каждом шорохе.

– И что же мне с деньгами этими делать?! – не выдержав, она заплакала.

– Давай я их спрячу до лучших времён, – прошептал сын, недоумевающая от странности матери.

– Но наступят ли они эти дни?! – Анна Григорьевна отдала Максиму купюры.

– А как насчёт подарка?

– Возможно, спросят, какой ты купил мне подарок, отвечу, что сладости, которые мы с тобой сразу же умяли.

– Ты слишком волнуешься, мама.

В этот момент подростку подумалось, что за его отсутствие мать совсем извелась от страхов, истощала, а может, он давно её не видел, и теперь ему казались чересчур заметными тёмные круги под глазами, красивое лицо мамы отдавало сероватым оттенком. Поэтому Меншиков, послушавшись приказа матери, не оставлял её до тех пор, пока его не призывали в армию. К удивлению Анны, не доверявшей советскому режиму, в хрущёвское время военкомат проигнорировал

то, что отца Максима арестовали – как врага народа.

Сорокалетняя Анна Григорьевна во время армейской службы сына заболела. От мучительной болезни она умерла, не дождавшись всего один день до возвращения кровинушки домой. Максим, не зная о смерти матери, с радостью, захватывающей дух и заставляющей сердце стучать быстрее, в предвкушении скорой встречи вернулся в холодный без материнского тепла барак. В его душу ворвалось невыносимое горе.

Годы проносились за пеленой нетрезвых глаз Максима. Ему опротивела скучная работа сторожем склада стройматериалов со свистком в роли ружья.

В тридцать седьмой день рождения он стоял на краю обрыва, нависающего над тихой речкой, малодушно помышляя о самоубийстве. Но мысли, словно дым, рассеял звонкий голос за спиной:

– Стойте, вам ещё рано умирать!!!

Максим обернулся и перед взором предстал ангел в образе двадцатичетырёхлетней девушки. Её серебристые волосы переливались в лучах солнца. Меншиков пал перед ней на колени. Она подбежала к нему, присев рядом.

– Как зовут тебя, создание, присланное с небес?! – Максим завораживающе смотрел на прекрасное загорелое лицо дамы его сердца.

– Мария! – засмеялась девушка.

– Почему я раньше тебя не встречал?

– Я в отпуск к тётё приехала погостить! – щёки девушки залила краска, и тут же Мария восторженно добавила: – Она живёт недалеко, в соседнем селе! Люблю гулять по окрестностям, могу по траве босиком пройти пятнадцать километров! Моя душа каждый день просит соединения с природой!!!

– Будь моей женой! – промолвил Меншиков, боясь неожиданным предложением спугнуть ангела.

Девушка ахнула. Её покорила загадочный взгляд Максима, беспомощный с лучиками надежды, и Мария кивнула в ответ. Максим переехал к девушке и её родителям в провинциальный городок, находящийся примерно в трёхстах пятидесяти километрах к юго-востоку от Москвы. Мария с дипломом химико-технологического института работала на заводе. Максим Павлович устроился временно грузчиком в продовольственный магазин.

Через три месяца влюблённые скрепили подписями судьбы. Родители невесты подарили молодожёнам собственный старенький дом, а сами перебрались в деревню к матушке отца, чтобы помогать ей. Мария и Максим начали супружескую жизнь. Жена родила ему детей.

На закате брежневской России Меншиковы встали в очередь на получение квартиры, дождавшись её весной 1995 года.

И вот умер Максим Павлович, не уважаемый никем. Он был нелюбим даже своими детьми. Все вздохнули с облегче-

нием после похорон и зажили, как будто человека и не было. Данный Меншикову Господом шанс, счастливо прожить с любимой женщиной, рассыпался словно карточный домик.

Глава пятая Прячься от любви

Остался один день, и закончится первая половина унылого ноября. Два часа моросит дождь, точно небо снова плачет, жалея об утраченных золотисто-рыжих красках осени. Голые ветви кажутся чужими на фоне серого цвета. Прохожие стараются обходить лужи стороной, чтобы не видеть в грязной воде собственного искажённого вида или не испортить дорогую сердцу обувь.

В щели окон квартиры Меншиковых завывает ветер. Алексей расположился на подоконнике, рисуя в голове пейзаж улицы. От наскучивающего дела он спрыгнул с насиженного, но неудобного места. Привкус сигареты во рту потянул его на лестничную площадку. Алёша накинул куртку.

Закурив, он услышал шаги. Пришёл товарищ из танцевальной группы.

– Мила недовольна твоей посещаемостью занятий, которые стоят копейки, благодаря окупаемости билетов на выступления и её организаторскому таланту по финансированию ансамбля. Давай быстрее одевайся, и пойдём на репетицию, или я заменю тебя в танцевальных номерах, всегда мечтал об этом!!! – приказал парнишка с хмурым выражением лица.

– Я мигом оденусь, – Алексей втянул дым и затушил окурок.

– Нет времени тебя ждать! Один дойдёшь?

Алёша с грустью кивнул.

Меншиков с опущенной головой добрёл до Дома культуры. Он вошёл в зеркальный зал. За спиной выросли крылья от искушения улететь к седьмому небу, оставить на часы бранный мир. Любимое дело начало окутывать Алёшу наэлектризованным воздухом танцевального духа. Юноша сосредоточился на движениях.

– Встали парами, парим в ритме вальса, – похлопала в ладоши руководитель. – Раз, два, три.

Расправив плечи, Алёша одной рукой взял девушку за талию, их ладони соприкоснулись, и на счёт «раз» партнёры, положившись на волны музыки Штрауса, закружились в вальсе.

Но тут руководитель похлопала в ладоши. Танец остановился.

Мила поправила осанку Алексея:

– Какая у тебя причина пропусков занятий? Ведь через три недели ты танцуешь почти во всех номерах!

– Я обещаю показать зрелищное выступление! – успокоил её Меншиков.

– Итак, продолжим репетицию! – обратилась Мила ко всей группе.

Алёшу увлёк вихрь танца от мучительных мыслей о жизни, любви и...

Агния позвонила в дверь его квартиры. Мария Анатольевна с порога безучастно ей сообщила:

– Алёша ушёл в ДК, зайди позже.

Петрова спустилась по ступенькам, решив подождать Меншикова у подъезда.

Хмурая ноябрьская погода вторила мрачному настроению Агнии. Деревья качали голыми ветвями, отвечая на возникшие у ждущей девушки вопросы об одиночестве. Прохожие сутулились от холодного ветра.

– Нужно покинуть провинцию! – прошептала Петрова, и мысли увели её в прошлое, туда, где люди в белых халатах с натянутыми улыбками пеклись о здоровье Агнии.

Из-за угла дома наконец появился Алексей. Его позитивный настрой словно солнце согрел девушку:

– Как я счастлив, что снова взялся за танцы! Через три недели в половине пятого вечера будет моё выступление в Доме культуры! Ты придёшь?!

– Конечно! – Агния сдерживала порыв прикоснуться к губам Меншикова.

– Я проголодался, пора домой, – сухо пробормотал Алёша.

– Хотела тебе сообщить, что я, возможно, скоро уеду в Москву, – Петрова поспешила предупредить Алексея о назревших планах для того, чтобы проверить его реакцию.

– Буду скучать по тебе, сестрёнка! – он чмокнул её в щёку, и стены подъезда укрыли его от внутреннего кипения де-

вушки.

Она, постукивая каблучками, направилась к тёмно-зелённому «вольво».

– Какая я ему сестрёнка? – прошипела сквозь зубы Петрова, недовольная результатом разговора. Дрожащими руками она взялась за руль.

Не зная как, она доехала до дома. В коттедже Агния, облокотившись о тумбочку в гостиной, еле держалась на ногах. Её взгляд устремился на сидящую в кресле мать.

– Я ждала Меншикова целый час не для того, чтобы услышать от него слово сестрёнка! – бормотала она.

Людмила Сергеевна встала и подошла к дочери. Лицо Агнии покрылось испариной. Мать приказала домработнице Светлане принести сладкую воду. Когда та выполнила требование, Людмила попыталась влить в рот дочери живительный напиток, но Агния, не выдержав настойчивости мамы, схватила стакан и швырнула на пол. Сердце девушки начало сильно колотиться. Петрова не понимала, где находится. Ей казалось, что с улицы через окна странного дома не неё смотрят шикарно разодетые подружки, их злорадный смех выводил девушку из себя. Измождённая она упала на пол.

Людмила Сергеевна закричала. Испуганная домработница Светлана кинулась к телефону.

– Я вызываю карету «скорой помощи»!!! – предупредила она хозяйку.

Медицинские работники привели девушку в чувство.

Петрова прошептала:

– Мама, мне бы уехать отсюда и не возвращаться больше.

Неужели меня нельзя любить как женщину?

– У этого Меншикова другое понимание о женской привлекательности, и здесь нет твоей вины, – равнодушным голосом произнесла мать.

Агнию госпитализировали в эндокринологическое отделение для проведения тщательного осмотра. Прележала Петрова в больнице две с половиной недели, ей до тошноты надоели крашеные синие стены, запах хлорки, лекарств, и она попросила мать забрать её домой. Людмила Сергеевна поколебалась, и в конце концов выполнила желание дочери.

Дома Агния, поднявшись с постели, охапкой зачихала вещи в сумку. Ей не терпелось уехать в Москву. Но в эту минуту Петрова подумала об Алёшином приглашении на танцевальное представление, которое девушке не захотелось пропустить. Игра с Меншиковым в родственничков под маской светской львицы доставит ей веселье. У неё оставалось три дня, чтобы отрепетировать роль к собственному спектаклю.

Петрова позвонила Ольге. Услышав в трубке её голос, она начала разговор:

– Привет, дорогая! Ты не хочешь со мной сходить на выступление Меншикова?

– Он ничего мне не сказал, – вздохнула Кроткова.

– Наверно, некогда было. Так ты идёшь?

– Конечно!

– Договорились! Я подъеду к тебе на машине в воскресенье к шестнадцати часам!

Агния до выступления Меншикова работала над собой: занималась йогой, медитацией для укрепления организма и нервов.

Зрители усаживались на места, царил гул, кто-то покашливал. Алексей вышел из зала и увидел идущую по коридору Агнию в длинном кружевном чёрном платье с расклёшенными рукавами. Её рыжие завитые локоны блестели на свету. Рядом шла Ольга, одетая в джинсы и свитер. Девушки подошли к нему.

– О, братишка, ничего, что я Ольгу привела?! Только мы без билета, – Петрова окинула Меншикова невинным взглядом.

– Попробую вам подыскать два места, если не найду, сядете на пол, – съязвил он.

Меншиков проводил их к лучшим рядам. Недалеко от девушек садилась Мария Анатольевна. Сын помахал матери.

Алёша запрыгнул на сцену за кулисы. Лампочки в зале погасли, занавес распахнулся. Заиграла латиноамериканская музыка. В свете прожектора представление началось танцем румба. По сцене разлилась кубинская энергетика.

Агния наклонилась к уху Ольги:

– Он страстно двигается! Партнёрша его очаровала свои-

ми формами. Как она виляет хвостом перед ним!

– Для неё это игра обольщения, – улыбнулась Кроткова.

Зрители заворожённо наблюдали за происходящим на сцене, и никто не почувствовал сердцем, что в зале находится невидимый человеческому глазу демон, беспрестанно следящий за Алёшей. Он оценивающе смотрел на движения Меншикова, и судейский балл был им вынесен.

Сценарий Мила сделала зажигательным танцевальным коктейлем, включавшим в себя танго, рок-н-ролл, кадрили, мазурку. Народ пришёл в восторг от канкана, девчонки с визгом задорно взмахивали ногами под музыку Оффенбаха. Закончилось шоу вальсом. Алексей блистал! Зрители рукоплескали, осыпая цветами танцоров, кричали «браво»!!! Со сцены Меншиков подмигнул Агнии. Он чувствовал себя звездой.

После танцевального шоу люди поднимались с кресел. Девушки-билетёры в длинных голубых шёлковых платьях распахнули двери выхода из зала.

– Мать, я сегодня домой вернусь поздно, – Алексей предупредил Марию Анатольевну в первый раз за юность.

Петрова направилась к Меншикову, расталкивая всех на пути. Кинувшись ему на шею, она поцеловала его в губы.

– Давай отметим твой взлёт к седьмому небу! – томно шепнула Агния.

– Лёха, ты с нами?! – товарищи из ансамбля позвали его, и он, освободившись от назойливых объятий, ушёл.

– Почему с ним не пошли, Агнюш? – осведомилась Мария Анатольевна.

– Нас никто не приглашал, – досадовала Петрова, поглядывая на Ольгу.

Подруги с Алёшиной мамой, надев верхние зимние одежды, оставленные в гардеробной Дома культуры до начала представления, вышли из здания. Парк поманил их к себе. Они наслаждались декабрьским днём. Шёл снег. Где-то каркала ворона.

Время не заставляло себя ждать, стрелки часов показывали около шести вечера, Мария Анатольевна поспешила по делам. Девчонкам не хотелось расходиться по домам, и они присели на скамейку. Парк утопал в снежном одеянии.

– Как же хорошо на улице! – вдохнула больше воздуха Агния.

– Мне Лёха сказал, что ты скоро покинешь нас? – Ольга ловила ладонью снежинки.

– Что ж, судьба значит такая, – задумчиво бросила Петрова.

– Резкая ты очень уж! – надула щёки Кроткова.

– Какая есть, – скучала девушка в присутствии Ольги. – Давай сегодня что-нибудь замутим!

– Чем же мы займёмся?! Здесь нет развлечений, кроме одной приличной харчевни.

– Вот туда мы и пойдём! – поймала мысль Агния. – Меншиков, наверняка, там. А сейчас мне нужно съездить домой,

взять инсулин, а то я забыла! Ты со мной?

Кроткова кивнула.

В ресторане «Феличита» жалобно звучала скрипка. Девушки прошли к столику.

– Вон и беглец наш, – Ольга показала в сторону компании.

Обернувшись, Агния увидела Алексея, увлечённо что-то рассказывающего, глаза юноши блестели от радости. Сегодня день Меншикова, и всё, что не вписывается в него, – суета сует.

Петрова мучительно переживала, что Алёша с ней не разделит успех, она оказалась в стороне. Обида засела в душу как заноза. А ведь Агния считала себя королевой, и поэтому должна добиться недостижимого мальчика. Она присела за столик и смотрела на него с желанием навсегда запомнить каждую чёрточку его лица.

Меншиков встал из-за стола и направился к сцене. Взяв микрофон, он попросил внимания. Зал затих.

– Кто сегодня был у нас на выступлении?

В зале закричала молодёжь:

– Мы!

– Если вы не возражаете, то я спою вам песню. Посвящаю её милой девушке, – он махнул в сторону Агнии и взял у товарища гитару.

Десятки глаз с любопытством окинули Петрову, сидящую за столиком. В ответ она смущённо прикрыла ладонями ли-

цо.

Под аккорды гитары Алексей мягким, нежным голосом спел:

«У беды глаза зелёные...».

– Bravo, bravo!!! – закричали люди в зале.

Алексей подошёл к Агнии:

– Я заметил тебя ещё при вашем с Ольгой появлении на входе в ресторан.

– Сударь, я благодарю вас за столь печальную песню. Не изволите вы почтить нас своим присутствием, – Петрова указала на стул.

– Дамы, приглашаю вас присоединиться к нашему столу, – вежливо поклонился Алексей.

Вечер проходил превосходно. Меншиков учил Агнию танцевать румбу. Девушка неловко наступала ему на ноги.

– У меня не получается, – смеялась она.

– Ты пластично двигаешься, – Алёша остановил взгляд на соблазнительных губах.

– Поцелуй меня, ты же хочешь этого. – Петрова замерла в ожидании.

Меншиков, не говоря ни слова, поддался велению чувств.

Ресторан закрывался, выпившие ребята расходились кто куда.

Алексей предложил Агнии проводить её.

Она тихим голосом произнесла:

– Алёш, я на машине. Могу подвезти тебя!

– Спасибо, я сам дойду, прогуляюсь, – улыбнулся Алексей.

Девушка взглянула в сторону Ольги. Кроткова стояла у выхода и с грустью посматривала на них. Алёша чмокнул Агнию в щёку, и она направилась к подруге. Петрова решила до января задержаться в провинции.

Агния и Алексей провели вместе оставшиеся дни декабря. В свободное от дел время они гуляли по городу. Первый месяц зимы навевал предновогоднее настроение. На рынках торговцы продавали разное праздничное убранство. Над головами людей витал дух наивности, поселяющий в сердца романтиков надежду на сказку.

За это время Агния поняла, что Алёша для неё просто друг. Она не должна себя навязывать ему. В их отношениях присутствовала некая сдержанность, ведь ничего хорошего не предвидится. Её болезнь будет мучить Меншикова.

В душе юноши с каждым днём разгоралось пламя любви к Агнии. Однако Алексей скрывал чувства. Внутренний голос подсказывал, что между ним и Петровой огромная пропасть, кишащая чертями. Всё остальное самообман! Она никогда не свяжет свою жизнь с ним. Он не позволит ей отказаться от денег и золота, а также не сможет взять себе их даром. Только собственными силами ему нужно заработать богатство. Но будет ли Агния ждать, когда он осыплет её долларами?

На часах стрелки подходили к полуночи. Большинство

людей в новогоднюю ночь не спят. Семья Меншиковых без Игоря и Максима Павловича села за стол проводить старый год. Разливали по бокалам бутылку недорогого вина, желали, чтобы печали остались в прошлом, чокались и пили.

– Где Илья, почему он опаздывает? – нервничала Мария Анатольевна.

– Сейчас подойдёт. – Виктория посмотрела на часы.

– А вот и он, – обрадовалась мать, услышав щелчки входного замка.

В зал зашёл Илья с бутылкой шампанского.

– Ура! Встречаем Новый год! – приветливо улыбнулся он, подсев к Виктории.

– Ельцин нам сейчас пообещает хорошую жизнь, включай телевизор, – попросил Алёша сестру.

– Открывай шампанское, – толкнула плечом Виктория возлюбленного, нажав на кнопку телевизора.

– Рано ещё. Слушай Ельцина.

– Каждый раз одно и то же говорит, а результата никакого, – буркнула девушка.

– Всем хватило стаканов? – мать обвела глазами присутствующих. – Так, Вике налейте компот! Беременным алкоголь нельзя!

– Что-то мне нехорошо! – Виктория прикоснулась к животу.

Илья распечатал игристое вино, и когда начали бить куранты, вылетела пробка. Алексей взял графин с вишнёвым

компотом, сестра подставила бокал. Все прокричали: «С Новым годом! С новым счастьем!».

В новогоднюю ночь Меншиковы верили, что прекрасные мечты должны сбываться. Хотя стол и накрыт скромно, но душа веселилась и пускалась в пляс.

Гуляет простой русский народ, готовый отдать последнее. Уставшие женщины, после рабочего дня и приготовления вкусностей, стараются быть красивыми. Мужчины, приняв на грудь, могут пожаловаться на нелёгкую судьбу и даже пустить слезу. А некоторые жёны – поругать их за жалкий вид. Состоятельные люди тратят большие деньги, чтобы с размахом встретить праздник. И почти каждый человек, выйдя на улицу, искренне поздравляет первого встречного с наступившим Новым годом. В эту ночь чувствуется сближение бедных и богатых. Вокруг царствует добрая энергетика, которая подпитывает народ радостью и счастьем.

Алексей и Агния после застолья встретились в парке. Под вспышки петард, взрывающихся чуть ли не под ногами, она сообщила Меншикову:

– Я в половине шестого утра уезжаю к отцу в Москву.

– Почему ты раньше мне не сказала?! – Алёша пришёл в смятение от того, что девушка скоро покинет его.

– Не хотела омрачать наши дни. Надо ехать, папа меня ждёт, Новый год всё-таки, а он один. Ещё в институте нужно продлить академ, но если не получится, то отчислиться с правом восстановления. Ведь мне необходимо подлечиться

в Центре реабилитации.

– Ты так мне и не открыла тайну о своей болезни.

– Это неважно! Самое главное, ты живи танцами, не думай пока больше ни о чём.

– Мила на днях намекнула на то, что наш ансамбль готов покорить столицу.

– Я рада за вас! – просияла Агния.

Меншиков нежно целовал её лицо. Они обнимались, словно прощались навсегда, и договорились каждое воскресенье на закате солнца смотреть в окно, вспоминая друг о друге. Петрова протянула Алексею листок от блокнота с номером сотового телефона.

– Возьми, когда-нибудь ты позвонишь мне.

– У меня нет сотового, а по домашнему телефону, наверно, дорого!

Агния сунула листок к нему в карман:

– Пусть у тебя будет мой номер, а у меня надежда на твой звонок! Теперь мне нужно домой. – Петрова направилась к машине.

Под всеобщий праздничный шум наступило утро, в холодном свете уходящей луны переливался снег.

Юркие, любознательные синицы облюбовали навес коттеджа, их крылья стряхивали снежинки. Петрова собиралась в дорогу, скоро она будет далеко от Алёши. Девушка испытывала тоску, надеялась, что Меншиков придёт проводить её. Агния вышла из дома. Она оглянулась по сторонам, и, не

увидев знакомой фигуры, села в чёрную «тойоту», водитель которой по приказу Николая Петровича приехал за ней из Москвы.

После новогодней ночи Алексею не спалось, стрелки подходили к семи утра, юноша, листая газету, развалился на кровати. Меншикова терзали мысли, ему стоило проводить Агнию, но неведомая сила не дала сделать этого. Несмотря на мучительную думу, ему в глаза бросился заголовок статьи:

Девяностолетняя женщина, ветеран, сражавшаяся за Отчизну, покончила жизнь самоубийством.

Причина трагедии – чиновники. Она обращалась к ним насчёт невозможных для жизни жилищных условий, но получила отказ. И вот угасла надежда! В предсмертной записке она написала: «Не хочу быть обузой!»

Меншиков поник: «Да уж, ветераны даже в такие лета кончают жизнь самоубийством! Знали бы они в войну, какие времена для них настанут».

Он показал статью вошедшей в комнату сестре. Виктория выглядела озабоченной.

– Что случилось, Вика?! – насторожился Алёша.

– Мне уже день на день рожать, и меня одолевает страх!

Алексей взял её за руку:

– Викусь, ты вся трясёшься!

– Похоже, у меня начинаются схватки, быстрее вызывай «скорую», – Виктория от боли закричала, её колени чуть согнулись.

Алёша кинулся к телефону.

В роддоме всё прошло благополучно, через несколько часов появился на свет мальчик. Родственники радовались долгожданному событию, Алексей без конца твердил: «У меня новый статус, я стал дядей!»

От переживаний за сестру Алёша вышел подышать на свежий воздух. Прогуливаясь по улице, он предался размышлению: «Одни люди с жизненного поста уходят, другие – приходят. Они несут человечеству что-то новое, двигая прогресс вперёд. Личности оставляют след в истории, независимо от степени духовности. Даже в характере Гитлера присутствовала душа, хотя и чёрная. Сейчас его дух вряд ли найдёт покой, адекватный народ не простит фашизма. Однако для некоторых фюрер – идол для подражания, он много сделал для Германии. До его прихода к власти она именовалась Веймарской республикой, и об неё вытирали ноги страны-победительницы Первой мировой войны. Гитлер поднял её с колен, но, захватив полмира, столкнулся со Сталиным. Амбиции Германии по завоеванию СССР привели к поражению немцев. Кем, интересно, вырастет мой племянник? Наверно, простым работягой, или, всё-таки, он добьётся высших целей, к примеру, изобретёт лекарство от какой-нибудь неизлечимой болезни. Однозначно он не будет следовать по сто-

пам рейхсканцлера, потому что русский, а истинно русский не способен на зло. Пойду я лучше возьму бутылочку красненького и отмечу рождение, быть может, великого человека», – пришёл к выводу Меншиков.

Алёша глотнул из горлышка вино, душа его надрывалась от тоски, мысли работали в разброс: «Кто такой я, умеющий лишь размышлять над судьбами других, но сам не сделавший ничего для родины, семьи и даже для себя? И вот я осушу бутылку вина, после неё стану казаться себе великим, смогу совершать героические поступки, которые никогда не совершал и уже не совершу трезвым».

Меншиков пришёл домой. К своему удивлению он застал гостей, отмечающих рождение малыша. Алёша поставил почти полную бутылку на стол:

– Ну что, выпьем за новую жизнь?! – он потёр ладони, присаживаясь за стол.

– Только я тебе налью чуточку, – утвердил Илюха, добавляя при этом: – несовершеннолетним пить вредно.

– Что же вы сейчас-то отмечаете? Вика с дитём в роддоме лежат! – возмутился Алёша.

– Так мы и потом отметим, мы же русские, – пошутил на полном серьёзе Илья.

– Ты для себя бутылку купил?! – поинтересовалась мать у Алексея.

– Для себя! – с сарказмом ответил юноша.

– По стопам отца идёшь?! – разозлилась Мария Анато-

льевна.

– Нет! – буркнул Алёша, вылезая из-за стола.

В квартире на Старом Арбате Агния с отцом наслаждались общением, попивая чай. Рыжеволосый, невысокого роста и полноватого телосложения Николай Петрович производил впечатление мягкого человека. За разговором он сообщил, что с Центром договорился.

В многопрофильный Центр реабилитации, развивающийся за счёт богатеньких инвалидов, Петровой нужно ехать тридцать первого числа, у девушки оставалось время обегать врачей, чтобы собрать справки. Благодаря знакомству отца с нужными людьми академический отпуск Агнии в институте продлили до февраля следующего года. Дочь решила потратить на улучшение здоровья одиннадцать месяцев.

Лечебно-восстановительное заведение находится в подмосковном лесу, девушка уже была там на летних каникулах после окончания первого курса института. В тот год она мечтала выйти замуж, родить детей. Интересовалась у врачей, можно ли ей в будущем стать матерью, но они не хотели брать на себя ответственность, поэтому внушали, что могут быть осложнения во время вынашивания ребёнка, и отец говорил то же самое. Он боялся потерять Агнию. В голове девушки засел страх беременности, продолжающийся по сей день. Она себя убедила, если ей не суждено быть обычной женщиной, значит, нужно возомнить себя богиней.

Территория Центра имеет большую площадь. На ней уютно размещаются пятнадцать разноцветных одноэтажных корпусов разных размеров. На первый взгляд казалось, что люди в белых халатах радушны, но за пеленой улыбок чувствовалась жалость переплетённая с завистью к богатым реабилитантам¹. Петрову вселили в просторную палату первого жилого девичьего корпуса с двумя кроватями, шкафом, письменным столом и одной тумбочкой на двоих, но что больше всего портило настроение Агнии, так это жёлтые стены.

В Центре Агния встретила знакомого, с которым постоянно попадала в лечебные заведения. С годами его мышцы слабели. Он приехал из своего любимого города Протвино на реабилитацию.

– Здравствуй, Солнцев! – Петрова поприветствовала двадцатидвухлетнего юношу с русыми волосами.

Его худое лицо с голубыми глазами озарилось блатной кривоватой улыбкой, Роман картаво произнёс, пожимая девушке руку:

– Привет, красота моя!!! Ты опять теряешь драгоценное время на лечение!

– Так же, как и ты, Ромочка. Нам с тобой без него нельзя, такая вот судьба... Будь она проклята!

– Да уж, чем сегодня займёшься? Может, по бутылочке?

– Пивка? Но тут же запрещают!

¹ Так врачи в Центре реабилитации называют инвалидов.

– Ты чего? Не впервой! Водочки! Мы уже не дети, к тому же будем осторожны, – прошептал, улыбаясь, Рома. – Кстати, пойдём, я тебя познакомлю с одним человеком.

– Что за человек? – заинтересовалась Агния.

– Не задавай преждевременных вопросов!

Солнцеву пришлось нелегко в жизни: он был здоровым, хотел стать филологом, обзавестись семьёй, но случилась беда, к нему подкралась болезнь. Теперь Роман тратил время на неё, поэтому душевным отдыхом ему служил алкоголь.

Рома привёл девушку в палату второго мужского корпуса. Возле одной из кроватей стояло инвалидное кресло, а на постели лежал мужчина лет тридцати пяти, рыжеволосый с голубыми глазами и конопатым лицом, которое было довольно-таки красиво и мужественно.

– Женёк, познакомься с моей давней знакомой, – Роман положил ладони на плечи Агнии.

Рыжеволосый человек приподнялся с постели, подвинул коляску, крепкими пальцами обхватил подлокотники и пересел в неё, помогая руками, ноги поставил на подножки. Он подъехал к девушке и протянул ей руку:

– Очень приятно познакомиться – Евгений!

– Агния, – засмушалась девушка, пожимая ему широкую ладонь.

– Ну, теперь за знакомство можно выпить, – предложил Роман и направился к холодильнику.

Он достал из него литровую коробку из-под сока.

– Маскируешься! – прошептала Петрова.

– А как же! – подмигнул Солнцев.

Роман разлил беленькую по кружкам. Агния отказалась от алкоголя. Солнцев понял, что она боится, как бы заманчивое предложение не спровоцировало приступ диабета.

– Вздрогнули... За встречу! – он залпом осушил кружку.

– Жень, ты давно в коляске? – Петрову всегда интересовал вопрос, как человек жил «до», и как начал существовать «после».

– Уже почти год сижу, я в аварию попал. Жена сразу же ушла от инвалида.

– Да, вот так оно всегда бывает! – тяжело вздохнула Агния.

Ребята выпили по сто грамм, и на сердце стало легче. Позже присоединился к ним Марков Валерий, взрослый мужчина лет сорока пяти, опирающийся при ходьбе на трость. Реабилитанты звали его Леричем. Он был душой компании, потому что всегда рассказывал о жизни русской глубинки. Сейчас, под градусом, Лерич, как обычно, начал историю:

– С моим двоюродным братом приключилось вот что. Он рос в любви родителей, мальчиком был чутким, добрым, ранимым, скрытным. Всё держал в себе, так и рос. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, родители развелись. В глубине души парень переживал этот разрыв.

– Лерич, похоже на сентиментальный телесериал, – улыбнулся Солнцев.

– Не перебивай меня, а то мысли запутаешь, – махнул рукой Марков. – Так вот, когда ему исполнилось шестнадцать лет, родители развелись, поделили между собой имущество, деньги от продажи дома. Мать купила маленькую комнату в коммунальной квартире. Брат начал злоупотреблять спиртными напитками, связался с нехорошей компанией, приходил домой к утру. Мать ругалась с ним всячески. Но всё напрасно. Брат пил временами, но пил так, что не дай бог! Плохо ему становилось, мерещились разные видения, оттого метался по комнатухе. Шли годы, от плохих мыслей и алкоголя у него съехала крыша, и он попал в психушку, где и начал задумываться над смыслом жизни. Должно быть, его там хорошо лечили?! – предположил Лерич и продолжил рассказывать дальше: – Покинув казённый дом, он больше не пил, поступил в институт, пытался полностью себя изменить. Однако в новом образе интеллигента брат не смог находиться долго. Впав в депрессию, он порезал себе вены, но испугавшись страшного греха, сразу же забинтовал запястье.

– Какой кошмар ты нам рассказываешь, – поморщилась Петрова.

– Но так, через такой ужасный поступок брат пришёл к Богу. Для того чтобы искупить грех, он начал искать спасение в Новом Завете, сердце уверовало в Христа. Брат нашёл истинный путь. Сейчас помогает другим заблудшим душам. Так что у каждого человека есть смысл бытия, свой крест.

– Нет, Лерич, быть инвалидом – это другой случай, и Бог

здесь не помощник, как бы ты ни укреплял душу верой, всё самообман, в глазах людей ты всё равно калека, – уточнил Солнцев.

– Зато тебе по-любому обеспечен рай, – обнадёживал Марков.

– С чего ты взял? – у Агнии вспыхнул интерес.

– Так страданием искупаются все грехи! Об этом ещё классик писал, Достоевский вроде, – прищурился Лерич.

– Не только, ещё покаянием и смиренностью, а я никогда не смерюсь с теперешним состоянием, – скривил лицо Роман.

– Ладно, ребятки, философствовать хорошо, однако ж беленькая ждёт, – Евгений разлил в кружки водку.

– Религия и философия – разные вещи! – уточнил Марков.

– Ну, ты Лерич, заумничал, на, лучше выпей, – Женя протянул кружку.

Рома прикурил сигарету. Прищурив левый глаз, он окинул взглядом дверь:

– Интересно, что скажет медсестра о курении в палате?! Скорее всего, докладную напишет.

– И что? Всё равно не отчислят, им твой папаша деньги отшвыривает! – эмоционально проговорила Петрова. – Ведь он у тебя, как и мой – новый русский.

Девушка переключилась на Маркова:

– По твоему виду не заметно, что у тебя деньги имеются,

за что они тебя здесь держат?

– За моё обаяние, Агунь!

– Хитришь ты, Лерич!

– Ладно, пойдём на воздух что ли, водку выдули, теперь нет смысла здесь сидеть, – направился к двери Евгений.

Компания выползла на улицу. Мороз обжигал щёки. Смеркалось. Ещё не зажглись фонари, и в полумраке виднелись нежность берёз, зловещие очертания корявых дубов, стройность гордо возвышающихся сосен. Совсем рядом прокричала сова. В окнах жилых корпусов горел свет, слышалась музыка, раздавались голоса и смех, что не сочеталось с пугающей атмосферой за решётчатым забором, который очерчивал территорию Центра реабилитации.

Агния подошла к ограждению, пальцы обхватили стальные прутья, взор обратился на заброшенный советский лагерь, утопающий в зимнем одеянии:

– Меня всегда притягивало данное место, будто там привидения обитают!

– Кстати, за твоё долгое отсутствие неподалёку поселилась семья! – Роман подошёл к девушке. – Они построили себе что-то наподобие хижины и живут, у них есть ребёнок. Интересно, как он в школу ходит?

– Наверно, каждое утро, он трусцой туда бегает! – пошутила Агния.

– Странная семья, нелюдимы они, – заключил Лерич.

– Ром, дай сигаретку, – Петрова протянула руку.

– Тебе плохо-то не станет, смотри они крепкие, – он вынул сигарету из пачки «Честерфилда».

Евгений неуверенно предложил:

– Что-то водочки маловато, давай вызовем машину с ней, есть у меня друг, я думаю, не откажется помочь. Тем более это он указал хорошее место для передачи, когда привёз меня сюда.

– Тебя товарищ в Центр доставил? – удивилась Агния.

– У отца-бизнесмена нет времени со мной возиться, – Евгений достал из кармана сумки, привязанной к инвалидному креслу, громоздкий телефон и набрал номер.

Поговорив, Женя положил сотовый обратно.

– Во сколько подъедет? – Леричу не терпелось выпить.

– Примерно через час, нужно будет подойти к забору, там, где беседка, и забрать.

– Я могу сходить, – предложила Петрова, передумав курить.

– Да нет, Лерич пойдёт, как раз к приезду друга доковыляет, – Солнцев улыбнулся.

– Не нужно ему доверять, а то нам придётся идти за ним, и к тому же мы водку даже не попробуем, он оприходует её прямо в беседке, – поразмыслил Евгений, – лучше я принесу райское наслаждение!

Примерно через час приятель привёз Жене бутылку. Выпив водку, ребята уснули задолго до официального отбоя. Дежурившая медсестра оказалась понимающей и не стала

писать докладную записку.

В Центре реабилитации жизнь текла в спокойном русле, каждый день проходил по распорядку: с утра процедуры, после обеда тоже, а вечером Агния проводила время в кругу ребят и девчат, общаясь на разные темы. Никому из реабилитантов не хотелось смотреть телевизор.

У Петровой появились новые знакомые, помимо Романа, Евгения Мирнина и Лерича Маркова в компанию вошли ещё трое – Михаил Ерёмин, Руслан Омаров, Наталья Мечникова. Первый Агнии показался слишком взрослым для тридцатитрёхлетнего возраста, его тёмно-синие глаза выражали глубокий ум, а поведение завораживало непредсказуемостью и каким-то русским духом. Невысокий рост сочетался с плотным телосложением, волосы цвета мутной речной воды торчали коротким ёжиком. Второй парень – без ноги – передвигался на костылях, его лицо притягивало чрезвычайной красотой, карие глаза, тёмная кожа, шевелюра густых чёрных с синим отливом волос. Он не русский. Агния узнала, что Руслан работал корреспондентом в Чечне, а родом он из Дагестана.

После ранения Омаров переехал в Подмоскowie, женился на здоровой девушке. Так и обосновался в Центральной части России. В нём чувствовалась мужская мощь и кавказское трудолюбие. Третью пациентку, девушку с диагнозом сахарный диабет приняли в Центр чуть позже Петровой, её посе-

лили в палату к ней. Наташа весёлая, шальная и притягивающая к себе внимание, оптимистка в полном смысле этого слова. Её девичье лицо озаряет мир волнами добра и милосердия.

После процедур Ерёмин и Петрова стояли на крыльце большого медицинского корпуса. В морозном воздухе пахло хвоей.

– Ты, говорят, уже была здесь? – Михаил повернулся к Агнии. – Ну, и как лечение?

– Не особо хорошее, как видишь, до сих пор больна диабетом, – съязвила Петрова.

– У меня друг болел диабетом, не понаслышке знаю об этом заболевании, – лицо Ерёмина омрачилось.

– Почему говоришь в прошедшем времени о товарище?

– Он умер!

– Такое случается. А что с тобой?

– Год назад на меня напали трое, у каждого из них был нож, я с ними дрался, пока они не нанесли мне три ножевых ранения: одно – в правую руку, второе – в грудь и третье – в шею. Я лежал два месяца, прикованный к постели, врачи говорили, что таким и останусь, но она меня не бросила.

– Кто она?

– Жена. Хотя я предупреждал её, что могу не встать на ноги.

– Значит, она любит тебя. Как же ты восстановился?!

– Благодаря усердным занятиям лечебной физкультурой,

я поднялся с кровати, – улыбнулся Миша.

– Тебе Господь дал шанс, ты должен беречь жизнь. Кстати, драка, скорее всего, в пьяном состоянии началась?

– Они были выпившие, я нет.

– Ты лезешь на рожон, по тебе заметно. Их посадили хоть?

– Дали пять лет, но этого мало. Я сам теперь словно в тюрьме пожизненно! – на последнем слове Михаил повысил голос.

– Не говори так, я думаю, до конца восстановишься. А кто ты по образованию, позволь узнать?

– Архитектор. Пойдём, пройдемся по территории. – Ерёмин любовался снежным лесом.

– Ого, дома возводишь, круто!!!

– Возводил, – уточнил Михаил. Они спустились по пандусу. Агния протянула Мише руку, чтобы помочь ему перешагнуть лёд.

Глава шестая Нечистый в Москве

Больше двух месяцев назад Агния покинула Алексея. В московскую область уехали Виктория с Ильёй и младенцем, имя которому дали Константин. Там сестра без торжественной церемонии вышла замуж.

Меншиков находился в депрессии, отстранился от товарищей, давно не видел Ольгу. В личной жизни ничего не происходило. Зловещее одиночество обволокло пространство вокруг юноши. Только танцы радовали его. Он изо дня в день оттачивал движения. Мила Калинина без конца твердила о конкурсе, осталось восемь дней, и они едут в Москву. Алёша ждал, когда придёт час поездки, однако его одолевали сомнения о правильности жизненного пути. Юноша часто вспоминал странную бабулю в окне дома Петровых. То, что старушка сказала ему, наверно, предначертано судьбой, и этого не изменить.

В Международный женский день Мария Анатольевна после обеда нарядилась и отправилась к соседке. Алексей, почитав учебник «История России», вышел на лестничную площадку покурить. В этот момент Меншикову захотелось пойти в Дом культуры на репетицию. И он прошептал: «Танцевать, чтобы покорить мир!»

В мартовском воздухе, вальсируя, кружились снежинки. Устав танцевать, они с нежностью укутывали деревья и ку-

старники. Улицы сверкали серебром. Небольшой мороз поддерживал красоту, подаренную небом дамам в праздник. Весна, время совершать безумные поступки, наполненные любовью и отвагой.

При входе в здание ему встретилась руководитель кружка.

– Здравствуй, Мила! С праздником!!! Можно я поработаю над кое-какими движениями? – спросил разрешения Алёша.

– Ты пришёл поздно, ребята разошлись, и я спешу домой, – Калинина взглянула на часы, – пятый час уже, меня муж заждался. Завтра приходи к десяти утра. Ведь у нас на носу всероссийский конкурс, мы поедem в Москву! Надеюсь, ты сможешь танцевать?! Я повторяю то, что говорила в твоё отсутствие, состязание будет через восемь дней, поэтому нужно находиться в оптимальной форме, то есть не пить спиртного. Конкурс состоит из трёх туров: в первый – пройдут десять танцевальных ансамблей, во второй – пять и в третий тур – три. – Мила каждый раз всем напоминала о состязании, чтобы ребята и девчата из ансамбля «Терпсихора» не расслаблялись.

Алексей кивнул, словно соглашаясь с неизбежностью предстоящих состязаний. Сердце тревожно билось, отзываясь эхом сомнений и страхов перед завтрашним днём. Каждый танец становился для него новым испытанием, заставляющим заглянуть внутрь себя, обнаружить скрытые слабости и преодолеть их. Внутренняя борьба разрывала душу, оставляя лишь одно желание – выразить всю боль и радость бытия

через движение тела. Глаза закрылись, мысли растворились в ритмах музыки, стирая границы реальности и иллюзии.

Меншиков в десять часов утра пришёл на репетицию. В Доме культуры он услышал детский хор, исполняющий песню «Пусть всегда будет солнце». Шла репетиция к концерту на 9 Мая. К этому празднику жители города готовились тщательно.

Мила опаздывала, команды тоже не было. Танцевальный зал оказался открытым, что показалось Алёше странным. Юноша стал разминать мышцы. Время летело незаметно. Он двигался страстно, импровизируя ворона, проводника в мир мёртвых. Зеркала копировали танец. Алексей краем глаза заметил отражение чёрной фигуры. Оглянувшись вокруг, он увидел, что сзади пусто. Меншиков решил, что пора отдохнуть, иначе начнёт мерещиться всякое.

Вернувшись домой, Алёша упал на диван, пальцы безучастно переключали каналы на пульте от телевизора, по которому шла всякая чушь, но одна передача его всё-таки заинтересовала, в ней толстый мужик высказывал своё мнение: «...Почему подросток посмеивается над проблемами себе подобного, а не подаёт руку помощи товарищу, да и разговаривают они ни о чём, лишь бы скрыть друг от друга переживания, а самое печальное – подростковому поколению трудно общаться, не выпив крепких напитков. Куда же делся русский дух, всё вокруг чуждо: культура, экономика, мен-

талитет. Запад убивает духовность русского, отстраняет людей друг от друга. Сегодня, если спросишь у ребёнка кто такой А. С. Пушкин, он не ответит, потому что не знает, ему не читали сказки величайшего поэта, драматурга, прозаика, создателя современного русского литературного языка. Зато каждый теперь осведомлён, что такое Диснейленд. Русская нация может исчезнуть совсем. А начало конца для России пошло от большевизма, лжекоммунизма, который натравил брата на брата и Ленина, убившего батюшку-царя, уничтожив тем самым Российскую империю, потом Сталин репрессировал тех же ленинцев, задерживавшихся долго в политике. На сегодняшний день мы пожинаем плоды...» Алёша выключил телевизор.

«Я погибну в этом мире», – прошептал он.

В зал вошла мать:

– Что смотрел? – она плюхнулась в кресло.

– Осуждение Сталина. Как они боятся возвращения коммунизма, делают всё, чтобы этого не произошло, пороки его раскрывают, а сами будто неповинны, лишь бы свалить на кого-то неудачи.

– Ты чего в политику кинулся?

– Да ладно тебе, не хочу ею голову забивать. К тому же не понимаю, что происходит, я словно потерялся. Лучше телевизор не смотреть, бред их не слушать!

– Ты взрослеешь!

– Мне страшно таким озабоченным становиться. Я вижу

только плохое, хорошее не подвластно взору.

– Расслабься, скоро это пройдёт. Просто займись делом. После пар в ПТУ ты мог бы подрабатывать, к примеру, грузчиком или дворником. От усталости всякая дрянь перестанет лезть в голову.

– Я танцую, – выдавил улыбку Алёша.

– Твоё творчество – пустое времяпровождение, – вынесла вердикт мать.

Меншикова ещё больше расстроил разговор с матерью. Как же она не понимает, что его поприще – танцевальное искусство. В другой роли он себя не видит.

Незаметно за каждодневными репетициями пролетело время. Наступило утро отъезда. Когда автобус мчался по Москве, Алёша жадно всматривался в окно. Его очаровал город быстрого темпа жизни, реклам, супермаркетов, мигающих названий клубов, многоэтажных домов... Он хотел дотронуться до Москвы, узнать о ней всё.

К Дворцу культуры имени Горбунова автобус с ансамблем «Терпсихора» подъехал в полдень. До начала состязания оставалось два часа. Ребята и девчата зашли в здание и стали ждать дальнейших указаний. К ним подошла девушка со строгим лицом:

– Здравствуйте! Меня зовут Анфиса Юрьевна. Пойдёмте со мной!

Она привела разминаться в зеркальный зал Алексея и

всю команду. Сказав несколько слов Миле, Анфиса Юрьевна ушла.

– Дорогие мои, начнём! Встали в середине зала! –скомандовала Калинина. – Помните, движения должны быть синхронными. Не спешите, у нас ещё есть время, мы выступаем последними.

Немного позанимавшись с ансамблем, руководитель оставила танцорам время передохнуть. На Алёшу нахлынуло волнение. Он стремился его преодолеть. Самое сложное в жизни – это ожидание, особенно мучительно ждать результат – победа или поражение – и понимать, что всё зависит от тебя. Время шло как назло медленно.

И вот стрелки часов подошли к судьбоносному выходу на публику. В сценической темноте танцоры встали треугольником, Алексей возглавлял фигуру. Зазвучала динамичная музыка, и в лучах переливающегося света началось мистическое танцевальное представление под названием «Смертельная любовь». Драматическая мини-постановка, в которой чувствовалась энергия, творческая сила движения, всплеск танцевального искусства. Любовь главного героя к девушке-призраку, не нашедшей покоя после самоубийства, заморозила зрительный зал, поглотила жизненные проблемы публики, привлекла внимание к прекрасному танцу невозможной любви.

Жюри оценивало строго, однако ансамблю «Терпсихора» удалось пройти во второй тур.

– Слава богу!!! – эмоционально выдохнула Калинина.

Следующий тур состоится через три дня, и Алексей решил завтра посмотреть на Кремль.

Не предупредив Милу, Меншиков вышел из гостиницы утром. Он добрался на метро до станции «Охотный ряд». Поднявшись из подземки, Алёша увидел великолепие центра столицы, что-то сказочное присутствовало здесь. Юноша прошёл несколько шагов и остановился у бронзового знака нулевого километра автодорог, засунув руку в карман, он достал монетку и бросил её, загадав заветное желание. Затем уверенно направился на Красную площадь.

Алексея привлекло здание ГУМа. Величественная архитектура поразила юношу размахом русской души, но больше всего его восхитил собор Василия Блаженного, воплотивший мощь и красоту российского человека, готового отдать за отечество жизнь. Алёша решил зайти в храм. Вход оказался платным. Меншиков всё же купил билет. Сердце Алексея трепетало перед старинными иконами, глаза запоминали узоры на стенах и сводах галерей.

Однако юноша огорчился тем, что на выходе из святого места торгуют сувенирами: «Это не храм-музей, а какая-то лавка!» – подумал Алёша. – «Нечестивых торговцев вымести бы вон отсюда!» Он вышел из собора с опущенной головой.

Меншиков направился в сторону Москвы-реки, откуда дул холодный ветер. Обогнув Кремль, он очутился в Александровском саду. Справа от Алёши растянулась западная

стена Кремля с башнями. Настроение ему подняла природа: высокие голубые ели стояли стройными рядами, липы обнажили свои тонкие ветки, кустарники сирени серебрились лёгкой дымкой. Сохранились дубы, посаженные в 1906 году – о них он узнал из книги о Москве, прочитанной два года назад. Молодой человек любовался гармоничным сочетанием скульптуры и архитектуры, впитывая красоту исторического места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.